

Сергей Балдин

Я СЛУЖИЛ В АФГАНИСТАНЕ

Стиль автора сохранен.
Составители / оформители: Вагина Е.А., Медведева И.С.

О себе...

В 1964 году мои родители с двумя детьми переехали из города Каменска-Уральского Свердловской области на стройку в Узбекистан.

В июле 1966 года родился я – Балдин Сергей.

Наша семья жила в сельской местности в Узбекистане.

Там прошло мое детство и юность. Я любил сказки и очень в них верил, а также я любил смотреть детские художественные фильмы и мультики. В книгах и фильмах, которые я читал и смотрел, рассказывалось про Великую Россию. Мне очень хотелось там жить -

зеленый лес, речка, холодная снежная зима. Желание мое исполнилось. После окончания 8 - и классов я уехал к моей бабушке в город Каменск-Уральский. Там я закончил на «отлично» профессиональное училище по специальности «повар». До 18 лет я занимался каратэ, участвовал в художественной самодеятельности, и в различных мероприятиях патриотической направленности. Меня призвали служить в пограничные войска. Первый год я служил на китайской границе, второй год – в Афганистане. После участия в военных боевых действиях в Афганистане, я стал по-другому смотреть на жизнь. Я понял, что детство мое было очень счастливым. Потом я стал писать. Начал с воспоминаний из своего детства, юности, армии, а потом стал записывать воспоминания о боевых действиях в Афганистане. Мои рассказы печатались в местных газетах и журналах, я участвовал в литературных конкурсах в Каменске-Уральском и других городах Свердловской области. Дважды был победителем. На встречах читатели мне говорят, чтобы я писал дальше...

Первая часть моих воспоминаний была отредактирована Т. Игнашовой и напечатана в сборнике «Дубынинские чтения II районные библиотечные чтения героико-патриотической направленности» МБУК «Центральная библиотека Каменского городского округа» п. Мартюш. Библиотека № 13 МБУК ЦБС им. А.С. Пушкина провела работу над второй частью воспоминаний.

Часть II

Провал

По приказу Абдусаттора мы поделились на группы. Абдусаттор, Мухаммед и его группа ушли вглубь фруктового сада, который находился во дворе мечети. Там была беседка, построенная из камня, с куполообразной крышей, а на ней мусульманский полумесяц.

В данное время преимущество было на нашей стороне. Людей у нас было больше, всю обстановку мы держали под контролем. Мухаммед вышел из мечети. А перед этим Абдусаттор с ХАДовцами (*ХАД - это самое боеспособное подразделение Афганистана, преданное правительству*) молились там. Кроме муллы там больше никого не было. Нам показалось, что мулла что-то пытался скрыть. Наверное, там находится потайной вход в душманское логово Мухаммеда. У ворот мечети стоял я и Ахмед. Автоматы мы держали в руках, были готовы к стрельбе. Наша задача была в том, чтобы не допустить вооруженного нападения.

«Саид, - шепотом сказал Ахмед, - хорошо, что так получилось, мы бы так и не нашли Мухаммеда».

Я покачал головой в знак согласия. Говорить мне было нельзя, чувствовалось, что за нами наблюдают. Мне нужно было выступить в роли полуглухого ненормального, а репетировать было некогда.

К нам подошел ХАДовец, его лицо было очень довольное.

«Ахмед, - говорил он по-афгански, я уже стал немного понимать, - ты у нас лучший повар. Нужно сделать плов, пусть тебе Саид поможет».

Ахмед обрадовался и посмотрел на меня.

«Саид, значит все хорошо?» – спросил Ахмед. Я промолчал, отвечать мне было нельзя. По предложению ХАДовца я понял, что будут мирные переговоры. Вероятно, Мухаммед поверил Абдусаттору.

Нас привели в уютное место у каменной стены мечети, там была построена печь из камня, и находился большой котел. Слева от печи - деревянный стол из толстого дерева, справа - неколотые дрова. На стол принесли мясо барана, рис, лук, морковь, масло, соль, ножи, большую ложку. Ахмед молча указал мне разжигать огонь, и я подчинился. В этот момент я порадовался, что по первой профессии я – повар, и где бы я не был, какая-то неведомая сила приводит меня на кухню. Я разжигал огонь и наблюдал за Ахмедом. Он резал мясо и овощи так тщательно и аккуратно, как профессионал. Мне очень хотелось ему помочь, ведь Ахмед не знал, что я повар, хотя он и без меня все делал легко. На большом костре он жарил мясо, лук, морковь, а когда положил рис, как положено по рецепту, налил верное количество воды. Он разбил горящие дровяшки, и получилась тлеющая зола.

«Ну вот, теперь будет мало-помалу гореть, а мы будем отдыхать» - сказал Ахмед.

Я готовил плов и знал, что это сейчас самый важный момент: плов должен медленно тушиться, чтобы рис не разварился и впитал весь вкусный аромат, ведь азиаты готовят плов с большой любовью.

Я посмотрел по сторонам, в нескольких метрах от нас стояли ХАДовцы и охраняли нас. Я догадался, почему Ахмед со мной заговорил открыто.

-Ахмед, - сказал я шепотом, - там, на базаре, где сувениры, продают наш орден.

- Я видел, - серьезно ответил он.- Ты долго смотрел. Я тоже.

- Платок в рот и я в плен, - сочувственно я вздохнул и опустил голову.

- Это я виноват, - Ахмед положил руку мне на плечо.

- Нет, все хорошо.

- Так мы Мухаммеда нашли.

К ХАДовцам подошел человек Мухаммеда, что-то им сказал и ушел. ХАДовец подозвал Ахмеда. Я напряг слух и смотрел за выражением губ и мимикой лица, движениями. Я понял, что на переговорах что-то произошло, и они торопили Ахмеда. Ахмед виновато опустил плечи, всем своим видом показывая, что он ни чем не может помочь. Но ему дали приказ выполнить.

Ахмед вернулся расстроенный, сел у печи и схватился руками за голову.

- Аллах, помоги! – вздыхая, произнес он.

- Ахмед, что случилось?

- Там американец пришел. И им надо уже сейчас плов подавать.

Он встал, открыл крышку, в нос сразу ударил такой вкусный запах, что жутко есть захотелось.

- Надо еще ждать – сказал Ахмед.

Мне пришла в голову идея. Я бросил дрова в печь и раздул большой огонь. В плов добавил воды и закрыл крышку.

- Вах! – возмутился Ахмед. – Ты что делаешь?

- Я правильно делаю. Ахмед, до армии я поваром работал, по праздникам любил плов готовить. Извини меня, будет по-русски.

Он заулыбался.

- Какой молодец. Я не знал, что ты, как азиат. Настоящий мужчина должен уметь делать плов и шашлык. – Он по-дружески меня обнял.

В считанные минуты плов был готов, Ахмед попробовал.

- Серж...Саид, ты - факир. – Довольно похвалил он, пожал мне руку. Я шепотом ответил:

- Мы же разведчики, нужно действовать по обстановке.

Теперь оставался главный экзамен. Как оценят плов наши Господа. Ахмед отнес в беседку плов в большой цветастой тарелке (логан). Когда он вернулся, то пальцами показал, что все в порядке, можно еще нести. Вторую порцию в логане понес я. Ахмед шепотом предупредил меня, что там американец, чтобы я не забывал молчать и кланяться. Я зашел в беседку, за большим столом в центре сидели Абдусаттор, Мухаммед и американец, а также люди Мухаммеда и ХАДовцы. Американец отличался от всех – камуфлированная форма с нашивками, в военной кепке, в черных очках, коротко пострижен, побрит и говорит по-английски. Абдусаттор переводил. Да, не зря хвалили Абдусаттора, что он умный, грамотный и имеет большой авторитет. Все сидящие смаковали плов, пили чай и потягивали кальян. Пахло непонятной мне травой, наверное, это был какой-нибудь афганский табак.

Как положено я поклонился, молча поставил на стол логан с пловом. Я стал уходить, но в это время «американец» снял очки. По глазам я узнал его -

это был наш командир разведки. У меня стали путаться мысли, как он так резко изменился и незаметно пришел к нам.

Абдусаттор гневно закричал: - охмок (сумасшедший)! Ты Американ (Ты, американец) – говорил он быстро по-афгански.

Я еле-еле понимал. Как мне велели, я встал, сделал поклон, молчал, показывал себя виноватым, но смысл его гнева разобрал – он считал меня сумасшедшим, который никогда не видел американца и не имею права на него смотреть и за неповиновение я буду наказан. Он достал пистолет, перезарядил его. Я вспомнил, когда меня инструктировали, что у душманов жесткая дисциплина, за неповиновение приказу – расстрел. Но у меня смягчающее обстоятельство, я был контуженным, психически больным.

Раздался выстрел, пуля пролетела выше головы. Я сдержал себя, чтобы не вздрогнуть. Стоял, смотрел на землю в поклоне. Ждал приказа Абдусаттора. Все молчали. Первый заговорил Мухаммед. Он похвалил Абдусаттора.

- Твои люди любят Аллаха.

Это лучшая похвала у мусульман, что означает – «патриот своей страны и готов умереть за своего хозяина». Но кто бы знал – эти господа - хозяева Афганистана, как Мухаммед, обманывают неграмотный простой народ, прикрываются Богом (Аллахом), запугивают и забирают в рабство молодых мужчин, якобы воевать за свободу, против нас шурави (советских неверных) русских.

После слов Мухаммеда все, кроме американца, помолились.

- Аллах. – Прогладили лицо ладонями, я за ними повторил.

Абдусаттор уверовал в свою власть и отпустил меня. Когда я встретил Ахмеда, он был напуган.

- Саид, кто стрелял?

Я спокойно ответил: - Абдусаттор в меня.

- Что, плов не понравился?

- Нет, я на американца посмотрел, за это он чуть меня не убил.

Ахмед вздохнул.

- Правильно он сделал, не смотри ни на кого, опусти голову и подчиняйся. Один раз я неправильно заговорил, он меня плеткой бил. Сам знаешь, где мы.

Вслух хотелось сказать – в разведке.

- Ахмед, знаешь, кто «американец» – сказал я шепотом.

Он молча пожал плечами.

- Наш командир.

- Вах! – Удивленно расширились у него глаза. – Я подумал, что это наш человек, но я не смотрел. Разведка - это серьезно. Нужно только слушать Аллаха.

Я его понял, что надо верить в Бога и надеяться на свою интуицию, ведь я читал книги про разведчиков и помню одну мудрость - разведчика спасает интуиция и везение, потому что он постоянно ходит, как по лезвию, и находится на грани провала.

В данное время у нас со стороны выглядело, как будто все благополучно, но сердце подсказывало, что не надо расслабляться, а надо быть в полной боевой готовности.

Ночью нам с Ахмедом приказали охранять вход и выход в мечеть и стрелять без предупреждения. Абдусаттор с «американцем» вошли в доверие к Мухаммеду. Ночью, через потайной вход они ушли в его логово.

Ахмеду я шепотом сказал: - Как хотелось быть с ними, посмотреть, наверное, интересно.

Ахмед серьезно ответил: - Если в плен попадешь - неинтересно будет.

Я сразу же вспомнил, как он чуть в плен не попал. В душе, наверное, многое пережил, а мне сказал, что все в порядке. Мне стало стыдно, что я ему сказал. Чтобы как то восстановить силы, мы спали по очереди. Никто к мечети не подходил и никто не выходил. Утром меня разбудил звонкий голос муллы:

- Аллах акбар!

- О Бисмилла Рахман Рахим.

«Начало всех дел» - я вспомнил перевод. Такое ощущение, что я стал мусульманином. Усы, борода, одет по-афгански. Вижу, как молится Ахмед и я стал за ним повторять, потому что все сейчас так делают. Не дай Бог, если кто заметит из людей Мухаммеда, что я неверный. Про себя я молился, по-христиански обращался к Богу. Просил, чтобы мы все остались живые и здоровые – «Господи, спаси и сохрани!».

После молитвы из мечети вышли наши люди. Старший группы сообщил неприятную новость.

- Мухаммед исчез. Нужно срочно уходить, пока его банда не догадалась, кто мы такие. Выдвигаться нужно в сторону севера за кишлак – в указанное место, туда, где находится наша засада.

Нужно было бежать как можно быстрее, но команду дали идти не торопясь и делать вид, что ничего не произошло, потому что в кишлаке жители подчиняются Мухаммеду. Могут что-нибудь заподозрить. Тот случай на базаре с Ахмедом для нас стал доказательством, что мы под наблюдением. Именно сейчас мы прошли базар благополучно. Я вспомнил про орден, что так и не смог его выкупить. И сейчас я не имею права говорить, или делать какие - либо знаки. Жаль, что так получается.

Все, что в данный момент я мог делать – это размышлять. Странно, и почему с нами нет «американца», то есть нашего командира и Абдусаттора. В плен они не должны попасть, мы бы тогда погибли. Вероятно, они ушли по следу Мухаммеда. Это получается, что разведывательная операция провалилась.

Раздался взрыв. Все резко повернулись. Взрыв был в мечети. Мечеть крепко стояла, а вот от нее полетели в небо серые и черные «брызги». За этим взрывом точно такие же черные «брызги» с камнями и пылью стали раздаваться вокруг мечети, в горах.

- Молодцы наши командиры, они взорвали это душманское подземное логово – сказал громко по-русски старший группы.

Мы уже находились вдалеке от кишлака. Играть роль душмана уже не было смысла. С кишлака в нас стали стрелять, пули просвистели выше головы, моджахеды побежали за нами в погоню.

На холме без команды мы разбились цепочкой, легли и отразили огонь. Несколько бежавших душманов согнулись пополам и медленно упали. Значит, наши пули попали в цель. Остальным пришлось так же, как и нам, залечь в укрытия. Началась перестрелка. У старого контрабандного АК, с которого я

стрелял, прицел был согнут влево, поэтому метился наугад. Единственное, чего я боялся, чтобы он не заклинил.

Над нами пролетели наши вертолеты Ми-24 (крокодилы). Хотелось закричать – «Ура! Как они вовремя появились». В душе – гордость за нашу разведку. Где-то радист вовремя позвал вертолеты на помощь, но они не стреляли, а стали летать по кругу. Видно не могут понять, где мы, а где душманы. Старший группы выстрелил из хлопушки, из нее пошел оранжевый дым. Это был сигнал для вертолетчиков, что мы здесь. Тут же сразу с одного вертолета полетели ракеты по кишлаку, за ним другие вертолеты с автоматических пушек дали огонь. Кишлак покрылся черными взрывами. От пыли казалось, как будто он скрылся в тумане. В нашу сторону пули больше не свистели. Но для безопасности мы не вставали, ждали команды старшего. Из-за гор вылетел десантный вертолет МИ-8. Он стал к нам приземляться.

- Уходим! – был дан приказ.

На вертолете открылись задние большие дверки и мы быстро поднялись на борт.

- Добро пожаловать, душманы. – Шутливо поприветствовал пилот.

Было приятно его видеть, наконец то – наши, свои. В душе чувствовалось, что мы в безопасности, спектакль и роль душманов закончились. Поскорей бы сбросить эту моджахедскую одежду, одеть свою и легко вздохнуть. Вертолет стал облетать кишлак. Я и Ахмед смотрели, не отрываясь в иллюминатор, что после нас происходило. Это как интересный приключенческий фильм. «Крокодилы» МИ-24 выполняли свое боевое задание, казалось, что весь кишлак взлетел на воздух, по сравнению с другими мирными кишлаками Афганистана. Вчера он еще со стороны выглядел, как будто нет войны: не было выстрелов, на стенах домов не было ни одной пробоины от пуль, люди жили спокойно, ходили в мечеть молиться, продавали товар проходящим караванам, слушались и преданно верили своему господину Мухаммеду, хранили и охраняли в подземелье оружие. Наверное, и не знали, что для боевиков. Ведь боевиков они считали борцами за свободу. Американские агенты сделали свое грязное дело – обманули афганский народ и снабжают его оружием, чтобы они убивали афганских коммунистов и советских воинов. В результате погибают невинные люди. Эти мысли промелькнули у меня, пока я в иллюминатор смотрел, как наши вертолеты бомбили кишлак. Наш МИ-8 набрал высоту, и мы перелетели через гору. Камни торчали, как копыя, на самой высоте горы. Враз прекратился тот ожесточенный обстрел. Лучше бы я его не видел. Дальше снова горы и горы. Тоненькими ниточками тянутся караванные тропы. Где-то там мы скрытно добирались до кишлака, а теперь летим обратно, не скрываемся, хочется сказать – «Какое счастье!».

Я посмотрел на Ахмеда. Он довольно подмигнул мне и шутливо сказал:

- Саид, домой летим.

От шума пропеллеров было плохо слышно. Когда прилетим на базу, в тишине с ним обо всем поговорим: про разведку, про любимых девушек и я обязательно узнаю у него настоящий рецепт таджикского плова.

Послышался стук по вертолету, как будто дождь или град бил по железной крыше.

-Духи! – Закричал пилот.

Все перезарядили автоматы, с вертолета застрочил пулемет. Я посмотрел в иллюминатор. Действительно, как проливной дождь, только из-за гор в нас летели пули, и что-то похожее на множество черно-белых двигающихся букашек стреляло в нас. Это были душманы. Броня вертолета защищала нас. Мне и, наверное, всем хотелось успокоить друг друга, что сейчас мы пролетим опасную зону, такое уже бывало. Раздался грохот, искры из глаз, звон в ушах. Тряхануло так, что вылетели с боковых десантных сидений. Вертолет закрутился, стал опускаться вниз, а потом полетел вверх, качаясь, как в морской шторм. Все что-то кричали, но у меня звенело в ушах, расплывалось в глазах, видимо контузило. В салоне запахло гарью, и появился черный дым. Было понятно – нас подбили, вероятно, с гранатомета. Но что бы там ни было, профессиональные пилоты дотянули до вершины горы, подальше от душманов и посадили вертолет.

Все было в дыму, я почувствовал, что задыхаюсь... Появился свет, все стали выбегать, выпрыгивать с горящего вертолета. Я споткнулся, вспомнил про Ахмеда. Взялся за кого то и вытащил его из этого ада. Это был не Ахмед, это был ХАДовец, он не шевелился, лицо его было в крови. От дыма я кашлял, как и все остальные до изнеможения. Я тащил ХАДовца подальше от дыма, надеялся, что он будет дышать. Я не верил, что ему в этой жизни ничего уже не надо. Он был мертв.

Я увидел Ахмеда, он махнул мне рукой и что-то кричал. Все было как в немом фильме. Его крик я смог услышать только правым ухом, да и то, как будто он был далеко от меня. Ахмед в прыжке толкнул меня на землю и прижал голову. Сзади себя, сквозь звон в ушах, слышал взрыв. Я поднял голову и посмотрел: у вертолета начал взрываться неиспользованный боекомплект. Пропеллеры продолжали вращаться. От взрыва вертолет наклонился на бок, пропеллеры задели землю и он как погибающий «живой» стал двигаться. Его понесло с горы все быстрее и быстрее, огонь и черный дым бушевали в нем. Было жалко на него смотреть. Этот Ми-8 много раз спасал людей от смерти, а мы все смотрим и не можем его спасти. Он скрылся в пропасти и снова раздался взрыв, черный дым стал подниматься вверх.

Командир группы дал приказ занять оборону. Когда я встал, то заметил еще одного неподвижного разведчика. Его положили рядом с ХАДовцем. У нас потери. Два пилота и механик вертолета теперь присоединились к нашей группе и подчинялись приказу нашего командира. При всей этой катастрофе они смогли снять с вертолета пулемет, сейчас он нам крайне необходим.

Душманы, как дикие хищники, с криком «Аллах акбар» яростно поднимались в гору за добычей. Их было больше сотни человек, а нас с пилотами чуть больше двадцати. Если пилоты не успели дать сигнал нашим, то мы попали, как говорят «по самое не хочу». Буквально за горным хребтом, как за забором, наши боевые МИ-24. Обидно будет, если мы погибнем, когда свои совсем рядом.

Мы с Ахмедом заняли оборону у большого камня. Он справа от камня, я - слева. Расстояние до душманов было еще большое, есть шанс, что какое то время мы можем продержаться. Они пытались нас окружить, но с восточной стороны - пропасть, там, где полыхает вертолет, им не пройти. Они шли к нам уверенно. Видно думали, что после подбитого вертолета нас можно брать легко – «голыми руками». Команды «огонь» я не слышал, я так же, как и все, нажал

на спусковой крючок АКМА. С десятков моджахедов упали и повалились кубарем вниз. Остальные легли, приняли оборону. Для начала показалось, что битву выигрываем мы. Но они начали боевую тактику нападения. Выстрелили из гранатомета, раздался взрыв. Мы с Ахмедом одновременно спрятались за камень, а потом «ливнем» в нас полетели пули. Вся земля, как будто закипела, море фонтанов пыли. Невозможно было даже на сантиметр выглянуть из-за камня. Рикошеты пуль разлетались в разные стороны. Духи поделились на группы. Одни лежа стреляют, а другая часть группы короткими перебежками поднимается к нам и так поочередно. По такой тактике боя нам было понятно, что мы столкнулись с профессионалами, вероятно, это банда Мухаммеда. Чтобы их остановить, мы кинули гранаты. После взрывов дали мощный огневой отпор. Душманы все залегли, но продолжали ползти. Никто не собирался отступать. Каждый раз, когда я высовывался из-за камня и давал очередь с автомата, душманы были все ближе и ближе. Я перезарядил последний рожок с патронами, посмотрел на Ахмеда. Он продолжал отважно, не жалея пуль, уничтожать духов. В таком состоянии человек не думает, что могут закончиться патроны.

- Ахмед. – Крикнул я.

Он меня не слышал. Я догадался, что, так же как и я, он контужен. Я задел его рукой. Он посмотрел на меня и укрылся за камень. Как в разведке, я пальцем показал на автомат, стрелять короткими очередями или одиночными. Он махнул головой, знак понял. Оказалось – все перешли на короткие очереди и что странно, – у пилота совсем замолчал пулемет. Душманы догадались, что у нас патроны на исходе. Снова поднялись и ускорили нападение. В голове путались мысли. Жить осталось на 30 патронов и одну гранату. Гранату применим в самом крайнем случае. Одиночными стрелять – нужно прицеливаться. Но стоит на «духе» применить кривой прицел моего АКАэма, так шквал свинца летит в нас.

Выше гор в небе появились два наших ангела – спасителя. Это летели Ми-24, за ним МИ – 8.

- Наконец - то! – Радостно произнес я вслух.

- Сережка, вертушки! - Так же довольно закричал Ахмед. От радости он встал и замахал руками. Я силой его потащил за рукав. Стоило ему только спрятаться за камень, как выше головы просвистели пули.

Духи стали еще ожесточеннее стрелять в нас и по вертолетам. Гранатометчики пытались попасть в цель. Но опытные пилоты стали использовать проверенные в бою маневры. Десантный вертолет МИ-8 полетел в сторону от душманов, так как он менее маневренный, его задача была забрать всех нас. МИ- 24 – быстроманевренный, как летающий танк. Внешне он похож на железного «крокодила». Главную боевую задачу он взял на себя, он вытворял виражи и трюки, как воздушный гимнаст, мог близко пролететь над душманами и быстро подняться вверх. Странно только, почему то он не стрелял ракетами. Стреляла только боевая пушка и пулемет. Ракетами он бы моментально погасил всех нападающих душманов. Может, боялись, что от взрыва ракеты пострадают свои, а может и другая была причина.

Душманы запаниковали, стали разбегаться кто - куда, искать укрытия. Кто-то пытался сбить летающего «крокодила», но в результате погибал с оружием в руках. Мы подливали «масла в огонь», достреливали последние патроны. Среди

душманов, исполнявших приказы главара, были фанаты, которые, не боясь смерти, шли в наступление, вероятно они были в наркотическом состоянии. В это время со стороны пропасти, где поднимался черный дым от вертолета приземлился МИ-8. Фельдшер с бортмехаником стали заносить погибших и раненых. Мы – разведчики, кто мог еще как-то передвигаться, защищались. Крайне важно было остановить уцелевших моджахедов. Они почти дошли до нас. У кого были гранаты – бросили в них. После взрыва Ахмед закричал «душман хо кушдан даркор». Для всех это была команда «душманов убить надо», я уже понимал их как будто они разговаривают по-русски. Одновременно с диким криком мы бросились в рукопашную. На переподготовке к Афгану я не зря подолгу отрабатывал приемы с оружием. Кто-то ухмылялся, говорил, что в Афгане война современная, не прошлый век, рукопашного боя там не будет. Однако, в жизни, все ученья проходят не зря. Сколько было сил прикладом я бил по голове, а стволом втыкал как штык в горло или в грудь. Применял приемы ногами, злости было столько, что не знал, откуда бралась такая сила. Ахмед держал автомат за ствол и как дубинкой размахивал, бил прикладом. В основном все разведчики профессионально владели рукопашным боем, мы отбили атаку и завладели трофейным оружием. Команду дали – на борт вертолета. Мы с Ахмедом держали автоматы наготове, следили, чтобы больше ни один моджахед не смог против нас поднять оружие.

Когда я увидел, что все на борту, сказал Ахмеду:

- Ахмед, бежим!

Мы едва передвигались, ноги и руки стали какими-то вялыми, дыхание становилось тяжелым. Сзади я слышал выстрелы. В ответ с вертолета выскочили разведчики и открыли огонь. Что случилось? Ведь мы с Ахмедом провели контроль. Я повернулся, Ахмед лежал на земле и, слава Богу, дышал и двигался.

- Ахмед – закричал я и взял его на руки. – Ты жив, брат?

- Да, Саид, мой брат.

Снова появилась неведомая сила, я положил Ахмеда на плечо так, как нас учил инструктор Крыжановский – «сам погибай, но товарища спасай». Я добежал до вертолета, нас обоих занесли на борт. МИ-8 поднялся в небо и выстрелил ракетами. На этом месте земля перемешалась с кровью. МИ-24 продолжал кружить и добивать банду, от которой практически ничего не осталось. В вертолете я и фельдшер перевязали раны Ахмеду. Пули врагов просквозили ему правую ногу ниже колена, а вторая пуля прошла под правое ребро. Он тяжело дышал, закрыл глаза. Я смотрел на него, а перед глазами стоял предыдущий бой. Казалось, что он не закончился и никогда не закончится. В душе чувствовал себя виноватым перед Ахмедом, ведь я же последний следил за обстановкой, как так проглядел – ни за что себе не прощу.

Мы приземлились на базе. Все, кто уцелел, вышли с трофейным оружием, а дальше МИ-8 раненых и погибших доставит в Союз – на родину. Я попрощался с Ахмедом:

- Ахмед, ты слышишь меня? – Он открыл глаза.

- Сережка, брат. – Тихо произнес он.

От контузии в голове шумело и звенело, но я уже мог по губам понимать, что он говорил.

- Ахмед, прости меня, я виноват.

Он помотал головой.

- Нет, Сережа, если бы не ты, душман убил бы меня или взял в плен. Как ты дрался, молодец! Я в жизни такого человека не видел. Ты настоящий Батыр (Богатырь). – Он руку засунул за пазуху, сжав кулак, протянул мне – На, держи подарок.

Я взял, и что я увидел... Не поверите... Это был тот самый Орден Красной звезды, о котором я так переживал, что не смог его забрать, а Ахмед оказывается смог.

- Ахмед, как ты это сделал?

Он заулыбался.

- Я же разведчик... украл.

- Молодец. - Обнял я его. – Я отдам командиру по назначению.

- Зачем? Ты первый смотрел, ты заслужил.

- Нет, Ахмед, не имею право. Кто-то проливал кровь, совершал подвиг и, наверное, погиб.

- Молодец, Сережка, честный ты человек.

Сердце застучало как автомат, дали команду на взлет.

- Эх, как жалко! – Недовольно сказал я. – Я так хотел с тобой обо всем поговорить.

- Ты такой мудрый, как отец. Я тоже хотел много тебе рассказать. – С сочувствием ответил Ахмед. – После Афганистана заходи ко мне в гости, поговорим. Ты знаешь, где мой дом.

- Да, знаю. – Обрадовался я. – На свадьбе твоей погуляем.

Он нахмурился. Посмотрел на свои раны и тихо сказал:

- Меня, наверное, Лола любить не будет.

- Будет! – Громко и уверенно сказал я. – Еще крепче любить будет.

Я его крепко обнял:

- До свидания, Ахмед!

- До свидания, брат Саид - Сережа.

- До свидания, брат.

Вертолет стал подниматься, поднялась пыль... Я стоял, смотрел и не верил, что больше не будет со мной моего друга Ахмеда. В иллюминаторе появилось бородатое улыбающееся лицо, похожее на сказочного домовенка.

- Так это Ахмед! Ахмед! – Закричал я и двумя руками стал ему махать.

Что он делает? Ему ведь даже двигаться нельзя, но как это было трогательно, до боли в сердце. Хотелось, как ребенку заплакать, но слезы не текли, как будто высохли все. Жесткими мы становимся на этой войне. Все вокруг покрылось туманом, закружились как на карусели, белый свет закрылся черными шторами и я потерял сознание.

Друзья или санчасть

Я услышал молитвы муллы. В глазах темно, и как-то непонятно болела голова, шумела и какая-то струна играла в ушах. Что со мной и где я? Я уснул на боевом посту, а Ахмед меня пожалел и за меня несет службу?

- Ахмед, Ахмед. – Я открыл глаза, но передо мной стоял не Ахмед, а рыжеволосый врач в белом халате. Он держал шприц.

- Ну, наконец-то, очнулся, трое суток бредит, Ахмедом зовет. Почему с ним в госпиталь не улетел?

Вот теперь я понял, где я и что со мной. Я находился в нашей санчасти, здесь лечились те, кто простывал, отравился или лечился от легкой контузии, а у кого были тяжелые ранения или от контузии теряли память, тех отправляли в госпиталь. Но я не считал себя тяжелобольным и ответил:

- Я здоров и готов встать в строй.

Я стал подниматься. Голова как будто раскалывалась и страшно болели руки и ноги.

- А ну лежать и не вставать! – Приказал врач. – Тебя сильно шандарахнуло. Неделью, а может и две придется провести в постели. Не вставать, мозги нельзя трясти. Тяжелая контузия – это не шутка. Нужен полный покой. Пожалеешь, что в госпиталь не улетел.

- Но у меня руки, ноги целые, а голова пройдет. Ведь половина мангруппы контуженные. Никто ведь в госпиталь не рвется. – Недовольно воспротивился я, чтобы доказать, что прав.

Врач поставил мне укол в предплечье. В голове и по всему телу пошел жар и я уснул.

- Медведев. – Услышал я знакомый голос. – Сергей!

Я открыл глаза и от удивления открыл рот. Передо мной стоял комбат и командир разведки. Я был рад тому, что вижу их живых.

- Батя, «американец»! – Радостно воскликнул я.

После разведки или контузии я забыл про воинский устав. Передо мной офицеры, а я с ними по-простецки разговариваю. Я попытался встать, комбат придержал меня.

- Ну, здравствуй, Медведев. – Мы пожали руки. – Лежи, не вставай.

- Как чувствуешь себя? – Добродушно спросил комбат.

Я только сейчас заметил, что он стал еще худее, на лбу - шрам и на черных волосах седина. Ему, по сравнению со мной, больше досталось. Он с боевым расчетом, где были мои близкие друзья, в машине на mine подорвались, чудом живые остались.

- Хорошо, товарищ майор. Готов встать в строй, но врач не разрешает, ругается.

Они заулыбались.

- Врач всегда прав, пока ты здесь, он - твой командир.

- Понял, товарищ майор.

- Ну как, пойдешь еще в разведку? – Подмигивая, задал вопрос командир разведки.

Я чуть не подпрыгнул и закричал:

- Да, пойду! То есть, так точно, товарищ командир.

- Ну, как ребенок. - Довольно сказал комбат командиру. – Не наигрался в игрушки.

- Молодец, парень. - Похвалил командир. – Не зря его комбат нам посоветовал: язык афганский быстро выучил, в обстановку разведывательную сразу вник, как будто академию закончил.

Я застеснялся и стал оправдываться:

- Да ничего я такого не сделал. Больше с Ахмедом, наверное, мешались.

Он засмеялся.

- А кто плов такой вкусный приготовил? Благодаря вам к Мухаммеду в доверие вошли. Стойко ты стоял, когда Абдусатор в тебя стрелял.

- После этого случая Мухаммед нам поверил и показал свои сокровища. Ну, а дальше не стоило тащить его банду к нашим в засаду. Мы просто взорвали и ликвидировали его чертово логово.

- Вот только не рассчитали, что у него сработает шестое чувство.

- Они с приближенными моджахедами сбежали.

- У них там пещеры нарыты, как у кротов.

- Один ход к своим мы знали. Заманили туда Мухаммеда, а он, как говорится в афганских поговорках «Афганистан – страна чудес, в кишлак зашел и там исчез!». Так и он исчез.

- Но не совсем.

- Вертолет, на котором вы летели на базу, случайно оказался приманкой. Верней всего вы их обнаружили, связь прервалась. Вас сбили. Искренне сочувствую, что так произошло.

- Ошибку мы допустили.

- Ну, война без ошибок не бывает.

- А вы - молодцы, дали духам, отстояли высотку.

- Жалко, пилот погиб и два ХАДовца.

- Четыре бойца тяжело ранены. В том числе Ахмед.

- А вы не знаете, как там Ахмед?

- Знаю, живой, после госпиталя – домой. Он ведь переслужил. Установили пожизненную инвалидность.

- Надо же так! – Возмутился я и вспомнил, как бежали мы до вертолета. У него уже давно был дембель, а он никому не сказал.

Командир обратился к комбату:

- Комбат, за выполнение задания Медведева вы обязаны наградить.

Комбат отдал ему честь.

- Слушаюсь, товарищ полковник.

- Я в Москву, в КГБ напишу рапорт и ходатайство о награждении рядового Медведева. А от себя. – Он крепко пожал мне руку. – Благодарность.

Я напрягся, приподнял голову:

- Служу Советскому Союзу.

Командир разведки ушел, а я с вопросами к комбату:

- Товарищ майор, командир оказывается полковник?!

- А ты как думал?

- Ничего себе, обычно полковники при штабе.

- Да нет. Я, когда был в разведке в Гондурасе, у нас сам генерал был! Жилистый такой, сильный человек, благодаря его мудрости, вся команда живая осталась.

- А что в Гондурасе тоже наши были?

- Спецразведке приходится быть там, где происходят вооруженные конфликты, но ты про это никому.

- Понял, товарищ майор.

И тут я вспомнил. Достал из кармана Орден Красной звезды.

- Товарищ майор, там, в кишлаке торговец продавал. Ахмед, как-то умудрился незаметно взять его, передайте его по назначению.

- Обязательно передам. Молодцы, доброе дело вы сделали. - Комбат на тумбочку положил новую форму. – Когда поправишься, переоденься. И бороду сбрей, «моджахед».

- Понял, товарищ майор.

Комбат ушел, и как-то стало скучно, не привык я бездействовать, особенно валяться, когда все несут боевую службу. С удовольствием бы сбежал на любое боевое задание, только бы не быть прикованным к кровати. В санчасть зашли Токарев, Царенов, Петренко, Ивашино, Трунов. Я забыл про все боли и приказы врача. Соскочил и громче всех закричал:

- Пацаны, друзья!!!

Мы, как родные, крепко обнялись, Петренко засмеялся и сказал:

- Душман, оборотень.

Перед ними я выглядел, как клоун – в моджахедской одежде, кудрявые непричесанные волосы и с обросшей бородой.

- Ну, рассказывай, Медведь, ты был в разведке? Говорят, к духам ходили? – С нетерпением, наперебой все стали задавать вопросы.

Я сразу же почувствовал боль в голове, шум в ушах и непонятно все как-то тело заныло. Я через силу сдержал себя, не показал слабость. Вмиг проскользнули в памяти печальные воспоминания.

- Не знаю, как рассказать. Сами же знаете, разведчикам нельзя лишнее говорить.

- Доживем до дембеля, на гражданке встретимся, и у нас будет, что друг другу рассказать.

- Ну, а если я выживу, то я лучше про все напишу, про разведку и про вас, пацаны.

- Ну, ты у нас, Медведь, всегда загадочный. – Довольно высказался Царенов.

- Перед Афганом, помнишь, в Душанбе, мы тогда думали, все пропал, целая рота красноголовиков и милиция его ловили, а он перед носом проскочил и скрылся.

Непроизвольно рот у меня растянулся в улыбке.

- Да, что вы все про меня. Вы то как? Токарев, Царенов, Петренко, как вы то пережили? В машине на mine подорвались?

Петренко шутливо махнул рукой.

- Да, ерунда, едем в кузове, песни поем, как бабахнуло: искры из глаз и разбросало нас всех вперемешку с боеприпасами.

Токарев серьезно, с сочувствием продолжил:

- Жалко комбата с водителем. Кабину отбросило, они через лобовое стекло вылетели, оба сознание потеряли, у водителя две ступни раздробило.

Все замолчали, подумали об одном и том же - «Проклятая война».

Ивашино Володя задал мне вопрос:

- А ты, когда у духов был, на каком языке разговаривал?

- На афганском.

У всех глаза навывают.

- А ты, что нам раньше не говорил, что афганский знаешь? – Задал мне вопрос Петренко.

- Да, пока к духам шли, меня переводчик Ахмед научил.

- Скажи, что-нибудь.

- Корхо чту, жура. – Перевожу. – Как дела, друг? А ты мне ответь – «нагз».

Петренко повторил «нагз».

- Хорошо, вот и ты по-афгански заговорил.

Мы все дружно засмеялись.

- Я тоже пойду в разведку, меня Медведь афганскому научил.

- Да куда тебе, белобрысый да с голубыми глазами, тоже мне афганский шпион. – Встрял сержант Царенов.

- А ты - царь рыжий, тебя никакая спецслужба за километр не пустит.

- Ну, вы как всегда, как малые дети, не перестаете ссориться! – Хотел поучить их.

Петренко разошелся:

- Да царь мне в госпитале надоел своими мудрыми советами. Из института сельскохозяйственного, со второго курса его выгнали. Вот теперь дурак в Афган загремел.

Я про себя понял, что они к этим спорам так привыкли, что друг без друга жить не могут. На них всегда, как на юмористов, молча смотрят и слушают, чем закончится концерт. Но я был так счастлив, что со мной сейчас живые и самые лучшие друзья. Как жалко, что не хватает только скромного Фоменко, его уже нет. Нет Ахмеда... Для меня он стал братом. Я вспомнил, что Трунова Димы и Ивашино Володи до разведки в нашей компании не было.

- Пацаны, – задал я вопрос – с Труновым и Ивашино я первый познакомился, я думал, как было бы хорошо нам сдружиться, я нарадоваться не могу, как же вы сошлись?

- Да это ты, Медведь, нас и познакомил. – Ответил Токарев. – Когда ты был в разведке, мы только про тебя и говорили, переживали за тебя.

- Вот так нас судьба и свела.

- Ну, прям что-то напоминает, как у французского писателя Дюма «Три мушкетера».

- Д'Артаньяна тоже свела судьба с хорошими друзьями – мушкетерами.

- С детства это моя самая любимая книга. – Признался я.

Петренко поддержал:

- Да, мы как мушкетеры. Один за всех...

И все хором проговорили:

- И все за одного!

За стенами раздался взрыв и где-то вдалеке пулеметная и автоматная очередь.

- «Духи» снова шалить начали. – Встревоженно проговорил сержант Царенов и громко дал команду. – Пацаны, к бою!

Все соскочили и побежали из санчасти на боевые позиции. Я тоже побежал за ними, но откуда ни возьмись, появились врач и его помощник фельдшер.

- Ты куда? – Схватил за руку врач. – Вы что, не видите, «духи» пуляют.

Они с фельдшером оба крепко схватили меня и дотащили до кровати, как преступника. Я стал сопротивляться.

- Ну, вы, Айболит с Пилулькиным! Отпустите меня, я за себя не отвечаю.

Фельдшер – сержант был высокого роста, худощавый, но жилистый, сильный парень. Ему не раз приходилось с поля боя бойцов спасать. Он крепко обхватил меня и прижал к кровати, а врач поставил мне укол снотворного. Сколько было сил я оттолкнул фельдшера. Встал, и враз, какая-то «лавиная

затопила» мое тело. В глазах все расплылось, и я не понял, как уснул. Когда проснулся, тело было вялое. Чувствовалось, как будто я самый ленивый в мире человек. Попытался встать, но не смог, тянуло в сон. Пока я лежал в таком состоянии, врач, как студенту, читал мне лекцию про контузии. Вначале он рассказал, что по этой теме он сдал экзамен на «отлично», а потом стал военным врачом и его отправили в Афганистан.

- Контузия – это нарушение сосудов головного мозга, она может быть разной степени. Если вовремя человек не будет принимать лечения, последствия могут быть до летального исхода. Человек может оглохнуть, потерять зрение, головные боли доводят до психических расстройств, из-за чего может возникнуть гипертония, перепады давления. Большие скачки давления приводят к инсульту, либо парализует части тела, либо смерть или кровоизлияние мозга.

Мне так хотелось сказать «ну что ты меня контуженного пугаешь!» Но, как говорил мне Комбат, врач всегда прав, и мне нужно его слушаться. Прошла неделя, я стал чувствовать себя лучше. Головные боли стали мучить меня меньше, стал слышать на правое ухо, в левом продолжало шуметь. Когда в санчасти никого не было, я решил лечить себя своим методом. Я привел себя в порядок, сбрил волосы на голове, помылся, одел новую форму, начал делать зарядку, но руки и ноги были какими-то тяжелыми, постепенно стал чувствовать прилив энергии. С каждым днем я увеличивал количество упражнений, перешел на приемы рукопашного боя, быстрее стал махать руками и ногами, изгибать тело, отжимался от пола и подтягивался на двери. Мои друзья не давали мне скучать. Трунов Дима приносил интересные книги, развлекал, играл на гитаре, мы вместе с ним пели афганские песни или частушки. Токарев Саша принес гармошку. Он знал удмуртский язык, играл и пел шуточные песни на удмуртском. Я смеялся от всей души. У меня появился интерес к музыкальным инструментам. На гитаре я уже умел играть, а теперь учился на гармошке. Если бы были еще, какие -нибудь музыкальные инструменты, я с удовольствием бы на них стал играть. С Ивашино Володей мы разговаривали о высоких чувствах. Он - удивительный, чуткий и честный человек, всегда спокойно выслушает и полезный мудрый совет даст. А вот однажды пришли Петренко и Царенов, принесли мешок фруктов – персики, инжир, гранаты (фруктовые!). Довольный Петренко высыпал мне на кровать:

- Угощайся, Медведь! Мы сегодня на одно задание ездили в кишлак. Нас местные жители угостили. Ну, мы сразу к тебе – витамины.

Я вспомнил, что много раз нам напоминали, что не надо ничего брать у людей, отравиться можно, либо будет «миносюприз». Не хотелось портить настроение, но я сказал:

- Сколько раз нас инструктировали – ничего у местных жителей не брать! Много было случаев – травили наших.

Царенов виновато оправдался:

- Да вроде добрые люди были – старики, дети. Ну, что выбросить что ли? У них были такие простые лица, и они от всей души хотели обрадовать нас. Ведь эти каши, сухие пайки поперек горла уже стоят.

- Ну ладно, помирать, так с музыкой. Я первый пробую.

Стал пробовать и не смог оторваться. Царенов с Петренко, как голодные собачки, облизываясь, смотрели на меня. В санчасть зашли Токарев, Ивашино, Трунов.

- Что вы там делаете? – Задал вопрос Токарев.

- Вот, фруктами траплюсь – улыбаясь, подмигнул я им – ну, что стоите, такая прелесть, налетайте, «Царь» с «Петухом» угощает.

Для нас этот день стал как праздник. Мы снова вместе, шутим, играем, веселимся. Прошло три недели, а может и месяц. Я чувствовал себя уже полностью здоровым. Благодаря тому, что с каждым днем усиливал нагрузки в каратэ и был благодарен своим друзьям за душевную поддержку. Каждый раз, когда кто-то из них приходил, я радовался, как самому родному человеку.

Обстрелы мангруппы в очередной раз продолжались. Я еле сдерживал себя, непроизвольно вскакивал ночью и меня постоянно останавливал фельдшер или врач. Бывало, что закрывали двери на замок. Санчасть находилась в историческом дворце, который стоял на территории мангруппы. Стены построены из камня толщиной больше метра. Нам были не страшны даже артиллерийские снаряды. Духи не раз стреляли из гранатомета или миномета. На стенах и крышах появились только царапины. Чем больше я находился в Афганистане, тем больше мне казалось, что война происходит во всем мире и мне уже не верилось, что где-то мирно живут люди, и там нет ни выстрелов, ни взрывов. Друзья мне тоже самое говорили. Может быть не зря многие бойцы говорят – «Мы тупеем на этой войне».

Каждый день я стал надоедать врачу:

- Я здоров и требую отпустить меня, я хочу вернуться в строй.

- Нет, – серьезно отвечал он – еще недельку полечишься, а там посмотрим.

По воскресеньям в мангруппе, когда было все спокойно, и бойцы были не на боевой операции, устраивали спортивные игры – волейбол, минифутбол, марш-броски, подтягивания на турнике, стрельба по цели, разборка и сборка автомата.

В воскресенье днем в санчасть забежал Токарев, запыхавшись, с довольным лицом, он сказал:

- Медведь, там к нам гости пожаловали – десантура, голубые береты. Сейчас соревнование по «рукопашке» начнется, жаль, что ты не можешь выступить, а то бы показал им.

Я обратил внимание, что врача и фельдшера не было.

- Пошли – радостно сказал я.

В спортгородке было столпотворение. В центре площадки уже начался «мужской праздник» – рукопашный бой. Десантники по форме одежды от наших не отличались, такая же полевая серая форма, такие же кепки военные, только в голубых тельняшках и петлицы - парашют с крыльями, единственный их главный капитан и инструктор в голубых беретах. Было так шумно, как на настоящем соревновании. Я еле-еле раздвигал болельщиков, чтобы хоть одним глазком посмотреть, что там происходит. Была настоящая драка: не было никаких перчаток и других предохранений для головы и тела, бойцы бились до крови, бой был без правил. Выбрали самых сильнейших бойцов в мангруппе, ну а так же были и лучшие из десантников. Болельщики кричали и свистели, махали кулаками, как будто сами участвовали. Мои друзья посматривали на меня. Я понял, что они переживали за меня из-за того, что я не участвую. Наши

проигрывали. Я понимал, что в основном наше пограничное подразделение занимается в Афганистане боевыми задачами, чтобы не допустить душманов к границе СССР, заниматься спортом и другими мероприятиями нам некогда. Но, однако, было обидно, что такое соревнование, а мы проигрываем. В конце поединка вышел капитан в голубом берете и, улыбаясь, громко предложил:

- Желающие, три человека!

Вышли трое, напали на него. Он с ними быстро справился, положил их на землю. После, вышли пятеро, он и на них так же отработал приемы, так количество выросло до десяти. Болельщики десантников ликovali «Мы победители, никто кроме нас!». Наконец желающих на поединок уже не осталось. Я не выдержал и вышел, но меня остановил врач.

- Отставить – дал он команду и показал на санчасть – а ну вон отсюда больной!

- Я не больной!

Вмешался сам начальник мангруппы.

- Так, что тут происходит? Ты, врач, случайно не тунеядца к себе пригрел?

- Никак нет, товарищ майор.

К моему удивлению врач стал меня защищать.

- Хороший парень, его тяжело контузило, постоянно рвется в бой.

- Вот и я смотрю.

- Так пускай побьется.

Настала тишина. Даже десантники удивились, что за выскочка перед грозным капитаном появился.

Капитан нанес мне серию быстрых ударов, я отошел назад и постарался их отбить, пропустил один удар по бедру, но устоял. Он провел другую серию. Я понял, что он большой мастер рукопашного боя. Передо мной настоящий русский десантник, я восхищаюсь такими людьми. Но у меня тоже большой опыт, с 12 лет я занимался, теоретически распознаю соперника. Я понял, что ударами рук и ног мне его не победить, единственное, что может быть закончить игру «в ничью». Но я использовал свой проверенный метод, все таки мы бьемся без правил. Он в очередной раз высоко провел круговой удар ногой по голове, я как тигр, ловя добычу, уклонился и прыгнул на него, поймал рукой его ногу и повалил на землю и, как в капкан, сдавил его шею, обкрутив в обхват рукой. Он стал извиваться как змея, еще чуть-чуть и выскользнул. Я использовал всю силу. Он не стал двигаться, я испугался, подумал, что задушил его, но ведь он же мне не враг. Он ладошкой ударил по пыльной земле. Это спортивный знак – «сдается». Я отпустил его и помог встать. Он отдышался, протер шею.

- Товарищ капитан, как вы? Я перестарался?

Он взял мою руку и поднял вверх. Так всегда делают на спортивном ринге победителю.

- Ураааа...!!! – Закричала и засвистела вся мангруппа.

Мои друзья подняли меня на руки, стали кричать, я отстоял честь мангруппы. Начальник построил всех в спортгородке, поблагодарил гостей-десантников за их отличную физическую подготовку.

- Рядовой Медведев.

- Я.

- Выйти из строя.

Я вышел и как надо по уставу повернулся к личному составу. Начман, как мы его называли, торжественно объявил:

- От всего личного состава и от себя объявляю благодарность.
- Служу Советскому Союзу. – Громко отрапортовал я.

Он дальше добавил:

- С этого дня приказываю, будешь инструктором по рукопашному бою и физической подготовке и чтобы – он помахал кулаком - муштровал так, чтобы все были победителями.

Я отдал честь.

- Слушаюсь, товарищ майор.
- Встать в строй.
- Есть.

Наконец, я встал в строй к своим и, маршируя, пошел в свое подразделение, а не в санчасть.

Многомасштабная боевая операция

У меня началась новая жизнь, новые заботы и ответственность. По утрам, когда было не сильно жарко, проводил физическую подготовку, а также, когда было спокойно, и по вечерам. Я придумывал разнообразные упражнения, чтобы было интересно заниматься. До меня физические занятия проводил прапорщик. Он хоть и был мастер спорта, но упражнения были однообразные и грубые, из-за чего многие ленились и даже раздражала их эта солдатская зарядка. У прапорщика закончился срок службы в Афганистане и он уехал в Союз. Теперь мне парни покоя не давали, все с удовольствием занимались, нам всегда не хватало времени, постоянно слышал - «Научи нас новым приемчикам». Многие признались, что даже курить бросили. Сам я был счастлив, что занимался своим любимым спортом, поэтому с удовольствием просыпался раньше всех, бежал в спортгородок и когда поднимали всю мангруппу на утреннюю физическую подготовку, я всем показывал пример. Я изучал серию приемов рукопашного боя, я был бодр и всем с утра поднимал боевое настроение. Один раз к нам приехал на проверку генерал КГБ, целый день мы показывали на что способны, провели учения, марш-бросок, стреляли из всех видов оружия, показали мастерство сборки автомата с завязанными глазами, ну и в конце дня – рукопашный бой. Я выбрал лучших, это были мои друзья - Токарев, Царенов, Петренко, Ивашино и Трунов. Мы продемонстрировали несколько боевых схваток в реальном бою, приемы против оружия, ножа, саперной лопатки. Генерал был восхищен. После проверки на построении он объявил:

- Из всех пограничных мангрупп в Афганистане, ваше подразделение самое дисциплинированное и у вас самая хорошая боеготовность. Всему личному составу объявляю благодарность.

- Ура-ура-ура! – Громко и гордо отрапортовали мы.

В горах было такое эхо, что казалось нас слышал весь Афганистан. Проверка генерала была неспроста. Через несколько дней мы стали готовиться к многомасштабной боевой операции в высокогорье. Будут участвовать пограничные мангруппы, артиллерия советской армии, авиация и спецназ КГБ. Мы тщательно готовились, загрузили боеприпасы в машины, вещмешки, патроны, гранаты без ограничения. Перед выходом нам дали поспать два часа.

За это время мне приснился сон. Как будто едем мы на броне БМП по пыльной дороге, впереди с холма прыгнула львица, преградила нам путь. Я хотел застрелить ее, но автомат заклинило, львица мне на человеческом языке сказала: «Завтра вам достанется, а в дальнейшем тебе будет плохо». Я проснулся от крика дневального «Подъем! Вперед на боевые!». Я потряс головой, чтобы отойти ото сна, ведь я же уже на боевых. Львица какая то... и что значат ее слова... Рассуждать было некогда, побежал со всеми на построение. Было еще темно, мы построились у боевой техники. Начман провел инструктаж и кратко объяснил боевую операцию.

- Выдвигаться будем по самым сложным и опасным местам. Нам нужно проехать ущелье, добраться до артиллерийского полка. Десант, который будет находиться на БМП, БТРах, ваша главная задача - обзор на 360 градусов, договоритесь между собой. Один наблюдает за вершиной горы, другие вперед, назад и по бокам. Если заподозрили непонятные движения – не ждать команды, стрелять без предупреждения. По машинам, вперед!

Я, Токарев, Царенов, Петренко, Ивашино забрались на броню БТРа.

- Эй, пацаны, вы кого-то забыли – это был Дима Трунов.

- Дима, запрыгивай, – радостно воскликнул я – наконец Начман дал тебе добро.

Мы все дружно похлопали его по плечу.

- Спасибо Сереге. После выступления перед генералом Начман по-другому ко мне стал относиться. Надоела эта баня, духи ее бомбят, а я как стройбатовец чиню ее. Вот напросился. Ведь у нас уже дембель не за горами. Хоть последний раз с вами повоевать.

Вся техника загремела моторами, друг за другом мы стали выезжать из мангруппы, выстраиваясь в колонну. В это время я и мои друзья, наверное, испытывали счастье. За всю службу в Афганистане нас всегда разъединяли. После боевых действий мы бежали друг к другу, делились впечатлениями. Мы стали как родные. И вот, когда остались последние дни службы в Афганистане, мы в первый раз на боевое задание едем вместе. Непонятное состояние души, радость и в то же время тревога. Со стороны востока из-за гор стало всходить солнце. Перед въездом в ущелье колонна встала. Царенов с Петренко как всегда о чем-то спорили. Петренко всегда ко всему относился очень серьезно, был по характеру очень вспыльчив, а после контузии стал неуправляем.

Вот и сейчас он что-то хотел доказать Царенову, спрыгнул с БТРа и в прыжке забрался на стоящий сзади БМП. Он сел впереди ствола и, как хозяин, широко раздвинул ноги. В Афгане на БМП многие так ездят. Со стороны выглядит, что БМП железная машина, на броне неудобно сидеть, а на самом деле большие высокие гусеницы так амортизируют, что когда едешь, то не чувствуешь ни кочек, ни ям.

Я вспомнил, как первый раз залез на БМП. Сзади башни сидел десант, мест не было, мне предложили сесть вперед, решили меня проверить, подшутить. Я сел впереди, удивился, что БМП так разогнался, ехал по ямкам, арыкам и его не качало и не трясло, казалось, что я летел. А когда поехали по пустыне, он резко затормозил и я полетел вперед, что даже кувыркнулся и мягко приземлился на песок. Все засмеялись над моим цирковым трюком. Я встал, представил, как это все выглядело, и громче всех рассмеялся. Вот такие у нас бывают шутки. Колонна тронулась, зашумели со скрипом гусеницы БМП. Петренко помахал

Царену кулаком, а тот покрутил пальцами у виска. Мы въезжаем в ущелье. Сержант Царенов знаками нам показал кому и за чем вести наблюдения. Я и Токарев выбрали горы, перезарядили автоматы и поставили на предохранитель, надели каски на голову. Я люблю на горы смотреть, в Афганистане говорят «горы стреляют», но я все равно их люблю. Вот и сейчас лучи солнца освещают, как прожектор, макушки хребтов. Жалко, что запрещено фотографировать, а ведь так красиво, оставить бы фото на память. Может где-то крадется душман, угрожает нам смертью. Но так хочется, как туристу, взобраться и посмотреть вокруг с высоты. Когда же здесь закончится война, чтобы можно было без автомата свободно путешествовать. Мы сейчас проезжаем то место, где раньше постоянно обстреливали и нападали на наши советские колонны. Это была банда Мухаммеда, которую мы ликвидировали, но расслабляться нельзя, в Афганистане эти банды душманов растут, как грибы. Мухаммед, по разведывательным данным, говорят живой, значит, будет мстить, снова организует банду моджахедов. По обочинам дороги, как памятники, стояли сгоревшие машины, танки, БТРы, БМП. Ехали мы долго, поднимались по серпантину вверх, все было спокойно, ни одного выстрела. Я посмотрел на своих друзей. Токарев серьезно смотрел вверх, Ивашино с Труновым вперед и по бокам, а Царенов смотрел назад. Он продолжал общаться с Петренко, как немой, пальцами показывал знаки, Петренко ему так же отвечал. Больше часа мы молчим, все в напряжении, из-за короткого сна поочередно зеваем, но когда доедем до определенного места – наговоримся, ведь мы, когда вместе, то у нас никогда паузы не бывает, не хватает времени высказать свои идеи, эмоции, мечты. Каждого из нас дома ждет девушка, все помногу раз перечитывают письма, а потом счастливые рассказывают друг другу, как они их любят. Царенов гордился, что его две девушки любят, Петренко его упрекает - «за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь», а он отшучивается – «приду, на обоих женюсь». Я среди них, как монах, полгода ни одна девушка не пишет. Я сам виноват, в первый год службы пачками письма приходили и все мне признавались в любви и обещали, что ждать будут, а я им честно, правду написал, что ни в кого не влюблен. А сейчас, когда далеко от Родины, даже как-то грустно. До армии я был влюблен, и даже два раза – в школе и в училище, когда мне за отличную учебу дали путевку в санаторий, я тогда безумно влюбился в Таню, но судьба раскидала нас на далекие расстояния, и я дал себе слово, что больше не буду влюбляться. Я еще молодой, может, когда -нибудь встречу свою любовь, если живой после Афгана останусь.

Мы стали проезжать горный кишлак, он был расположен справа от нашей движущейся колонны, а слева – высокая гора. Шли прохожие, кто-то ехал на осле, старик пас своих баранов, из аула детишки выбежали и махали нам руками, кричат – «шурави». Мы в ответ им помахали, значит здесь мирная обстановка. Все, ехавшие на БМП и БТРах, заметно расслабились, солнце поднялось высоко, жара стала невыносимая, броня нагрелась, как печка. Все потянулись за фляжками, кто-то снял каски. Я, как и все, стал пить из фляжки, в мангруппе под строгим приказом нам запрещено пить воду, фельдшер в бочках заваривает верблюжью колючку. Это проверенный настой предохраняет от инфекционных заболеваний. Первые дни я долго не мог привыкнуть, какой-то непонятный терпкий вкус. Сейчас пью вместо чая и воды, но все равно страсть как хочется попить холодной простой чистой воды. Послышалось жужжание со

свистом, рядом стояла привязанная канистра с водой. В ней образовались дырки с двух сторон, потекла вода. Все сразу схватились за автоматы. В нас стреляли. Проходящие люди и животные стали падать. В один миг образовалась жуткая картина. Люди, наверное, залегли, притаились от пуль, а вот животные прятаться не умеют. Окровавленные верблюды, ослы, бараны лежали, в судорогах дергали ногами. Обстреливали нас с кишлака и со стороны гор, был так называемый «перекрестный огонь» - засада. Душманы рассчитали, что когда мы расслабимся, они начнут бой, а самое худшее, что они создали - это слух против нас русских, советских, говоря, что это мы уничтожаем мирных жителей. Наши БМП, БТРы, пулеметы, автоматы застрочили по кишлаку и по горам. Из ближайшего дома из кишлака выстрелили из гранатомета, он попал в гусеницу БМП, который ехал за нами. От выстрела его аж повернуло, Петренко вылетел и упал на дорогу.

- Петруха – закричал Царенов.

Петренко стал подниматься, и его сразила пуля, колонна встала. Царенов спрыгнул с БТРа, стал поднимать Петренко, и его настигла пуля. Они оба, обнявшись, упали. Я не мог этому поверить и закричал, надрывая горло.

- Пацаны, прикройте меня!

С подбитого БМП пошел черный дым, но экипаж продолжал отражать огонь, строчил пулемет, а из пушки они сразу же выстрелили в то окно дома, где был гранатометчик. На дороге и вокруг нее от пуль и взрывов поднялась пыль, все стало как в тумане. Сколько во мне было сил, я взял за предплечье своих друзей и рывком, волоком по земле, притащил их за БТР. Водитель открыл боковой люк и помог мне затащить их внутрь БТРа. Наводчик громко сообщил:

- По радиии приказали быстрее гнать отсюда! Духи подожгли ГАЗ- 66 с боеприпасами, если рванет – все уйдем к аллаху.

Экипаж БМП также успели услышать приказ, я им махнул рукой, поменял магазин патронов. Пока они поодиночке перебежали до БТРа, я щедро поливал свинцом по кишлаку. Вокруг от взрывов пыль перемешалась с дымом, поэтому стреляли все не по цели, а наугад. Сверху на броне ехать было опасно, поэтому все залезли внутрь БТРа. Там было душно, жарко, вдобавок пахло горелым порохом от выстрелянных гильз пулемета. Пот лил с тела, как из ведра, в глазах резало от пыли, на зубах хрустел песок. Из маленьких овальных окошек мы выставили стволы автоматов, продолжили огонь. Вся уцелевшая боевая техника поехала на большой скорости, объехали машину ГАЗ-66 с боеприпасами. Она стояла посередине дороги и вся горела. Душманы пулями попали по бензобаку, на обочине дороги перевернутый от гранатометных выстрелов лежал и горел БТР. Ивашино и Токарев поставили уколы Царенову и Петренко, перевязали их раны. Ивашино сообщил приятную весть:

- Пацаны живы.

После его слов на душе стало легче, даже как будто воздух стал чище. Наводчик БТРа прекратил стрелять из пулемета.

- Все, пацаны, проскочили.

Мы сразу же поднялись на броню, вся колонна быстро удалялась от этого ада. За горой раздался мощный взрыв, взлетели боеприпасы. За всю службу в Афгане такой взрыв я видел в первый раз. Обломки машины летели в разные стороны. Черно-белый дым поднялся большим грибом, выглядело, как атомная

бомба. В небе появились два вертолета МИ-8 и МИ-24 (крокодил). МИ-8 приземлился у дороги, колонна остановилась. МИ-24 кружил вокруг нас, как телохранитель. Водитель БТРа вытащил брезентовый чехол. На чехле мы понесли раненых. В вертолете нас встретили врач и медсестра. Увидев молодую женщину, все, как по приказу, уставились на нее, как будто ничего подобного в жизни не видели. Мы совсем одичали в этом Афганистане. Врач и медсестра сразу поставили раненым уколы и капельницы. Потом в вертолет принесли еще раненых, нас выгнали, даже не дали попрощаться с друзьями, хотя мы и понимали, что в данный момент их нужно как можно быстрее доставить в госпиталь. МИ-8 поднялся и улетел, МИ-24 продолжал наблюдать за колонной, а когда мы поехали, он улетел.

Мы снова едем на броне, на душе «скребли кошки», так хотелось что-то сказать, даже кричать, но лучше молчать. Ведь мы были так подготовлены, ехали в напряжении, и стоило немного расслабиться, и сразу такие потери - чуть все не погибли. Не верится, что больше с нами не будет Царенова и Петренко. Они были самые заводилы, самые «живые» в нашей дружной компании. Жалко их, даже этого слова мало. Я буду молиться, чтобы с ними все было в порядке. Если господь поможет, то мы обязательно встретимся. Стало темнеть, и мы были вынуждены свернуть с дороги, нашли место на большом расстоянии от высоких гор. Боевую технику поставили в круг на случай отражения нападения на нас с любой стороны. Мы не доехали до назначенного места. Ночью мы поочередно охраняли, вели наблюдение из бинокля ночного видения. В основном было спокойно, пробежали шакалы. Среди ночи шакалы стали проверять нашу бдительность, завывали диким голосом, в горах раздавалось эхо. Бойцы не выдержали, стали стрелять по ним, чтобы не слышать их вой, но они как будто издевались. Как только прекратится стрельба, где-то спрячется эта тварь и снова завоет. Вот так ночь и прошла. Многие одинаково ругались, что «всю ночь с шакалами воевали». На рассвете мы выехали на дорогу и поехали. Проехали меньше часа, заметили, что у самых высоких гор стояла боевая техника артиллерии, съехали с дороги, по буграм и камням медленно поехали к ним. Артиллерийскую технику развозили и устанавливали по назначенным местам, мы все смотрели на нее так, как будто для нас это была выставка. Много мы повидали, а такую мощную видели впервые: дальнобойные пушки, самоходные пушки, похожие на танк, зенитки, грады, минометы и еще какие-то установки, что даже сами не знали. Сходу нам сразу дали приказ. Мы так же стали разъезжаться цепочкой, блокировать все тропы с гор. Для нашего БТРа и десанта места было выделено на небольшом холме, оттуда начиналась тропа зигзагами в гору. А дальше так же в сотни метров БМП, и по цепочке устанавливалась остальная техника быстрого реагирования.

В первую очередь нужно было вырыть окоп, укрепить БТР. Когда мы окопались, в небе слышали сверхзвуковой шум - это прилетели бомбардировщики. Один за другим пролетали они над самыми высокими горами и туда сбрасывали бомбы. От нас бомбы взрывались больше десятка километров, а грохот слышался, как чуть ли не в метре от нас. От взрыва казалось, что сейчас разлетятся горы, но каменные горы стояли гордо. Сверху от них поднимались пыль, дым, осколки. Когда самолеты улетели, загрохотала артиллерия. Стреляли по видимым пещерам, щелям и местам, где могут

укрыться душманы. По радиции передали нашим, чтобы пристреляться по тропам. Также БМП-1 из пушки стал выстреливать, БМП-2 из автоматической пушки и наш БТР. Все горы покрыло взрывами все было в дыму и пыли. Но как бы по ним не стреляли, они не уменьшались, стояли неподвижно. Когда обстрел закончился, Ивашино недовольно сказал:

- Нам тут стрелкам с автоматами делать нечего.

- Да тут за километр ни один дух не подойдет – тоже недовольно сказал Трунов.

Токарев с улыбкой успокоил:

- А что, тоже неплохо, отдохнем.

- Неплохая идея – сказал я – можем потренироваться, приемы отработаем, чтобы впустую время не тратить.

- Идея хорошая – поддержал меня Трунов – я читал про Суворова, в тяжелых боевых условиях, где он находился, он постоянно занимался физическими упражнениями и обязательно что-то читал или учил. Благодаря этому, он поднимал боевой дух солдатам и всегда был в здравом уме. Поэтому его и прозвали суровым Суворовым, и прожил он больше восьмидесяти лет.

- Да, может Суворов делал все правильно – возразил Токарев – он воевал в России, там лес, свежий воздух, реки, озера, а здесь в Афгане жара, пустыни да горы.

- Давайте вечером – успокоил я – камни быстро остывают, воздух будет посвежее, а сейчас окоп поглубже подкопаем, чтобы больше тени было, чтобы духи и командиры не видели, чем мы занимаемся, и место для тренировки расчищаем.

Вечером действительно стало легче дышать, даже приятный ветерок подул. Мы вырыли большую яму в виде квадрата - начнем тренироваться. Я, как инструктор, показывал приемы рукопашного боя, мои друзья стояли напротив меня и повторяли.

Наводчик БТРа и водитель сидели на броне, облокотились, как на кресле, об башню с пулеметом и курили. Водитель на украинском сказал, улыбаясь нам:

- Ну и дурны вы пацаны, лучше бы дремали, чем руками и ногами махать.

В этот момент я был счастлив, где бы я ни был, в любых условиях, я занимаюсь своим любимым спортом, и главное мои лучшие друзья со мной и так же, как и я считают, что мы делаем правильно. Выше окопа видны были макушки гор, при закате на них светило солнце. Так было бы приятно заниматься, не в яме, а как мастера единоборств, открыто общаясь с природой. Выше головы я услышал свист пули, странно, выстрела не было, наверное, показалось. Тут же пришла мысль – может снайпер с глушителем стреляет.

- Ложись – дал я команду.

Парни не поняли, пригнулись, там, где я стоял наравне с моей головой, просвистела пуля, и на земле поднялся пыльный фонтанчик.

- Пацаны, снайпер с высоты бьет.

Наводчик мигом запрыгнул в БТР. Ивашино взял бинокль, внимательно осмотрел ту сторону.

- Никаких движений, даже птицы не летают – недовольно сказал он.

- Хорошо замаскировался – сказал Токарев.

Мне пришла идея.

- Пацаны, я сейчас еще его подразню.
- Медведь, не вздумай – хором ответили мне.

Я встал на то место и активно продемонстрировал серию приемов. Ивашино крикнул:

- Я его засек!

Я резко нагнулся, пуля снова пролетела в сантиметре от меня, даже волосами я почувствовал, они дыбом встали. Ивашино дал координаты наводчику.

- Давай, пуляй трассерами, чтобы артиллерия заметила. Нам с автоматов его не достать, далеко. С крупнокалиберного пулемета полетели красные шарики по вершшке горы так ровно, как стрелы. Артиллеристы не дремали, вслед за выстрелами БТРа на горе образовалось множество взрывов. Когда взрывы рассеялись, все утихло, с БТРа вылез наводчик с водителем. Наводчик, ухмыляясь, гордо сказал:

- И зачем артиллерия снаряды тратила, я снайпера первый снял, а сейчас там от него мокрого места не осталось.

Я подмигнул своим друзьям:

- Становись.

Парни построились. До наводчика я промаршировал строевым шагом и отдал честь.

- За уничтожение врага, за то, что спас от гибели своих товарищей, от себя и личного состава, объявляю благодарность.

Друзья меня поддержали:

- Ура – ура- ура!!!

Наводчик принял нашу шутку, тоже отдал честь и ответил:

- Служу Советскому Союзу!

Мы дружно обняли его и рассмеялись. Наступила ночь, было спокойно, казалось, что после авиационной бомбежки и артиллерийского обстрела, вокруг нас даже муха не пролетит. Удивительно, даже шакалы не выли. Мы, как положено спали по очереди, вели наблюдение. Из бинокля ночного видения я смотрел в горы, туда, где был снайпер, никаких движений там не было. Из минометов, через каждые 20-30 минут выстреливали осветительные мины. Она высоко зависала, как люстра, и медленно опускалась, освещая все вокруг. Далеко в горах я заметил, как мигнула светлая точка, потом слева и справа этих точек стало больше. В нескольких километрах от нас раздались взрывы. Все ясно, душманы далеко, в пределах пяти или больше километрах стреляют из гранатометов и минометов. Снаряды не долетают до нас. Но они показывают, что не боятся нас, да и вообще считают себя хозяевами. Друзья мои проснулись, по привычке перезарядили автоматы.

- Отбой, пацаны! – Успокоил я их. – Духи вдалеке нам кулаками машут.
- Да, но зато спать не дают – зевая, сказал Токарев.

Справа от нас, со стороны артиллерии раздались хлопки, множество красных огоньков полетели в небо. И там, где в нас стреляли, стали раздаваться огненные взрывы, разгорался большой пожар.

- Что это? – Удивленно сказал я.
- Первый раз такое вижу – продолжил Трунов.
- И я первый раз – сказал Токарев.

- Это грады бьют – спокойно ответил Ивашино – бывшая «Катюша» во Второй Мировой войне, в Афгане считается запрещенным оружием, поэтому используется только ночью. Каждая ракета прожигает все, вот там земля и горит.

- Да, красиво – восхитился Токарев.

- На войне, особенно ночью, такой эксклюзив, словами не рассказать, прям, как в сказке – добавил Трунов – походит на змея Горыныча, когда он из пасти пускает огонь.

Я, как ребенок, засмеялся и сказал:

- Жалко только, что красота эта недобрая.

- И сказка злая – продолжил Ивашино – ведь там сейчас гибнут люди, которые так верят в добро, считают себя защитниками Родины.

- Ты прав, Володя – сочувственно сказал я – эта война зашла в тупик, сколько лет мы пытаемся создать в Афганистане мирную жизнь, а в результате здесь обманули народ, подняли оружие против нас.

В разговор вмешался наводчик БТРа:

- Пацаны, я вчера по радиации слышал, что после этой многомасштабной операции наша сороковая армия начнет уходить с Афганистана.

- Ураааа! – Радостно воскликнули мы. – Наконец то, даже не верится.

Водитель БТРа закурил и довольно сказал:

- Эх, повезет хлопцам, кто-то даже Афган не побачит, а я полтора года, пол Афгана проехал, на mine рвался. Боже любе манэ, до дембеля дожив.

- Пацаны, - задал вопрос наводчик – когда домой придете, чем заниматься будете? – И гордо про себя сказал - вот я решил остаться в армии, буду в Союзе «салаг» уму-разуму учить.

Водитель выдохнул дым и довольно сказал:

- А я с БТРа на трактор пересяду, буду робить, землю пахать и Афган вспоминать.

- А я в юридический институт поступлю – сказал Дима Трунов – хочу стать прокурором или судьей, после Афгана сейчас ничего не страшно. Буду с коррупцией бороться.

- А я с детства мечтал стать следователем – продолжил Токарев – преступников ловить, чтобы люди жили спокойно. Может после Афгана желание исполнится.

Ивашино про себя рассказал проще всех:

- В первую очередь женюсь на своей любимой девушке Марине, вас на свадьбу приглашу, хочу много детей, чтобы в доме всегда было тепло и весело, и вернусь на завод, в свой бывший коллектив, там хорошие ребята.

Наступила пауза. Я всех внимательно слушал и радовался за них.

- А ты, Медведь, что молчишь? – Задал вопрос наводчик. – Что ты будешь делать после Афгана?

Я задумался и ответил:

- Не знаю, единственное, что могу сказать – буду счастливый. Жалею только о том, что мы разъедемся по Советскому Союзу, поэтому предлагаю встречаться.

- Правильно говоришь! – Поддержал меня Ивашино. – Будем у меня на Украине в городе Сумы встречаться летом, там так красиво!

- Лучше ко мне, на Алтай! – Радостно воскликнул Трунов. – Природа у нас замечательная, полезные травы, мед, свежий воздух.

- А давайте лучше, пацаны, друг к другу в гости ездить? – Довольно сказал Токарев. – Поженимся, будем семьями дружить.

От этого разговора и нашей мечты на душе стало приятно, даже не верится, что скоро у нас начнется новая жизнь.

Прошла неделя, а может и больше, в нашу сторону обстрелы прекратились. Мы уже смело выходили из окопа, во весь рост. Каждый день продолжался по одному и тому же сценарию. Утром прилетали самолеты и бомбили горы в тех местах, где по разведывательным данным, должны находиться банды душманов. Днем продолжала обстрел артиллерия, ночью работали «грады». Нам оставалось, как зрителям, смотреть этот однообразный спектакль, который уже порядком надоел. По той дороге, которую мы охраняли, ни одна живая душа не уже спускалась и не поднималась. Но мы не скучали, продолжали тренироваться, отрабатывать приемы рукопашного боя. В один день прилетели вертолеты, скрылись в горах там, где бомбили самолеты.

- Десантно-штурмовые группы прилетели – сказал наводчик – по радиации передали, что сейчас проческу будут делать.

- Эх, сейчас бы с ними там погулять – засмотревшись в горы, сказал Трунов – ни разу с десантурой не летал.

- Вин монэ тоже не летал – гордо сказал водитель БТРа – на земле в броне батче, чем на верхушке в Афгане. Скока хлопцев в небе погибло.

Трунов крикнул:

- Пацаны, духи с горы спускаются.

Наводчик запрыгнул в БТР, мы зарядили автоматы, приготовились к бою. Ивашино внимательно стал смотреть в бинокль. Около ста человек спускались по той тропе вниз.

- Пацаны, не стрелять – дал команду Ивашино – они без оружия.

Наводчик выглянул из БТРа.

- Пацаны, нам передали, что бы мы встретили пленных.

Пленные были разного возраста, дети лет двенадцати, старики, у всех лица были уставшие, изможденные, никто не смотрел нам в глаза.

Ивашино сочувственно сказал:

- Да, они там были в плену, а не здесь.

Мы их сопроводили до палатки офицерского штаба.

Спецназ

К штабу приземлился вертолет. Из него вышли высокие, широкоплечие в камуфлированной форме спецназовцы КГБ. Среди них я узнал командира разведки.

- Пацаны, командир разведки – замечательный мужик.

Я не удержался и подошел к нему, отдал честь.

- Здравия желаю, товарищ полковник – он посмотрел на меня, заулыбался и радостно воскликнул:

- Саид, дружище! – Крепко, здоровенными руками обнял он меня, как брата. – Ну, как служба? Как воюешь? Рассказывай.

Я скромно ответил:

- Да так, хорошо, если честно скучновато, то ли дело с вами было!

- Желаеть снова к нам – подмигнул он мне.

Я не удержался и, как мальчишка, чуть не закричал:

- Да, да, конечно, желаю.

Лицо его изменилось, стало серьезное.

- Помнишь главаря Мухаммеда?

- Так точно, помню.

- Он снова с духами бежал.

- Сейчас пойдем по его следу. Надо поймать его или ликвидировать. Вот мы и приземлились, чтобы у комбата бойцов надежных взять.

Я повернулся, посмотрел на своих друзей.

- Пацаны, полетим?

У них от желания заблестели глаза, и они одновременно махнули головой в знак согласия.

- Возьмите моих друзей.

Он посмотрел на них.

- Ты в них уверен?

- Так точно – ответил за меня комбат, появившийся за его широкой спиной. – Сам генерал их проверял. Морально, физически подготовлены на «отлично» и в боевых действиях проявили себя хорошо. По сроку службы – дембеля.

Командир разведки сочувственно вздохнул.

- Вот так у нас в Афгане. Когда солдат становится профессионалом, наступает дембель, уезжает домой. - Он дал нам приказ - Чтоб через пять минут были готовы по полной боевой.

Мы побежали к БТРу, там у нас находились вещмешки с патронами, гранатами и сухим пайком, прощались с наводчиком и водителем. Наводчик довольно сказал:

- Я бы тоже с вами, да БТР с водителем меня ни под каким приказом не отпустит.

Водитель БТРа сказал недовольно:

- Дурны, вы хлопцы, дембель на носу. Война для вас кончилась. Трошке в окопе посиделы и поехали бы в Союз до хаты.

- Может ты и прав – серьезно ответил я ему – но, сам понимаешь, такие вот мы «советские афганцы».

Ивашино продолжил:

- Идем всегда туда, где очень плохо.

Мы встали в строй к спецназу, из солдат взяли еще радиста, поднялись на борт вертолета МИ-8 и полетели в горы, туда, откуда пришли пленные.

Нас высадили на одной большой горе, там была ровная площадка, это была база душманов, человеческим трудом было все подкопано. От площадки уходила дорожка в пещеру. Из пещеры выходили десантники, выносили трофейное оружие и трупы моджахедов. Вокруг базы были установлены боевые посты, укрепленные камнем. На одном посту была установлена башня с пулеметом от БТРа, это все доказывало, что здесь находились профессиональные боевики. Видно, когда-то им повезло в бою, взяли трофеи. На самом дальнем посту, откуда шла тропа с горы вниз, к пулемету ДШКА на цепях был прикован погибший мальчик.

- Вот звери! – Выругался командир. – Ничего святого нет. Не смогли мы здесь наших четырех пленных солдат спасти, они изрезали их до неузнаваемости.

Я и мои друзья молча сняли панамы. В душе была скорбь, жаль людей, что они погибли. И в то же время забушевала ярость, желание отомстить за них.

Десантники привели к нам пленного моджахеда. Он был одет во все черное – черная чалма, национальная рубашка, широкие штаны. Единственное – синие китайские кеды. Даже смуглое лицо с бородой казалось черным. Я узнал его, повернулся к друзьям.

- Пацаны, это телохранитель главаря Мухаммеда. В разведке мы с ним встречались. Это - «большая птица».

Командир стал его допрашивать на афганском языке, я услышал знакомые слова «Ту душманхо, саркарда, сахий, рафтем». По-русски перевел своим друзьям – он спросил «куда ушел твой господин?». Моджахед показал пальцем и ответил ему - в Пакистан.

Командир приказал «рафтем жапоб Пакистан. Кумдан даркор». Я снова перевел «иди к своему господину в Пакистан. Если к нему не пойдешь, мы тебя убьем». Моджахед поклонился и ответил «нагз» - хорошо, и пошел по горной тропе в сторону юга. Командир дал нам указание:

- Пойдем за ним, на большом расстоянии. Он должен привести нас к Мухаммеду. Вероятно, придется перейти границу в Пакистан. Когда моджахед был едва виден, наша спецкоманда растянулась цепочкой и мы друг за другом пошли за ним. Командир с биноклем шел впереди, за ним -радист. Командир передавал радисту координаты, где находится моджахед, а так же и мы. В случае, если нарвемся на засаду банды душманов, он сразу должен вызвать подмогу. Я и мои друзья были замыкающими. Наша задача – избежать нападения со спины. Моджахед, когда скрывался за горой, приходилось бежать. Чувствовалась подготовка спецназа. Ребята были высокого роста, в гору поднимались, как вороньи кони. Мы еле за ними успевали. Шли мы долго, солнце поднялось, было жарко, хотелось пить. Привала не было, нужно до темноты добраться до назначенной цели. Ближе к вечеру наша команда остановилась, Ивашино посмотрел через бинокль.

- Пацаны, моджахеда нет.

Дали приказ разбиться по группам, найти укрытия, подготовиться к бою. Вероятно, моджахед затаился, и даже может уже был не один. Место такое, что можно было легко спрятаться. Тропа расходилась, одна в гору, вторая шла в узкое ущелье, а так же видимость загораживали большие камни выше человеческого роста. Я и мои друзья залегли за большими ровными камнями. Для нас это надежное укрытие, главное, было видно тропы. Из узкого ущелья вышли вооруженные люди.

- Духи – шепотом сказал Ивашино.

Звуки подавать было нельзя, все, что мы сделали, это наблюдали за ними через прицелы автоматов. Тут произошло непредвиденное, из-под камня выползла большущая змея - гюрза, подняла голову и уставилась на Трунова. Ему пришлось ствол автомата навести на нее. Но, если он выстрелит, то может провалить все задание. Нам крайне нужно дождаться, когда все душманы выйдут из ущелья. Может даже придется их пропустить, остаться незамеченными. Я вспомнил, как в детстве играл со змеями и не боялся. У нас

на Урале в деревне были в основном безобидные ужи. Когда на пути попадалась гадюка, я сам себя тренировал, быстро хватал ее за хвост и бросал в реку. Она не успевала меня укусить. Гюрза в Афганистане – самая распространенная змея. Она длинная и ядовитая. В основном, когда копали окопы, попадали в ее норку. Она пыталась отомстить, но нам удавалось убивать ее лопатой или стрелять. К змее я приблизился со стороны хвоста, схватил за хвост и со всей силы ударил ее головой о камень. На камне остались мокрые пятна крови. Она медленно извивалась в судорогах, но уже угрозы для нас не было. Дима побелел и вытер со лба пот, махнул мне головой в знак благодарности.

Наконец вся банда душманов вышла из ущелья и пошла по той тропе, по которой пришли мы. Начинало темнеть, это именно то время, как говорят в Афгане, для душманов. Вдруг, из-под земли, как в сказке, появился тот самый черный моджахед, он решил предупредить их и закричал, показывая рукой:

- Шурави (советские)!

И не договорил, его сразила снайперская пуля прямо в лоб. В одну секунду застрочили автоматы и пулеметы, полетели на банду гранаты. Душманы не успели даже отразить огонь, спецназ показал профессиональную меткость. Часть группы попыталась вернуться в ущелье, мы были ближе всех, не дали им скрыться. Я кинул гранату перед первым духом, а друзья сразили их пулями. В считанные минуты вся банда была уничтожена. Из укрытий, как пантеры, выбежали спецназовцы и быстро осмотрели, не остался ли среди духов кто живой, мы сделали то же самое. После прочески нас собрал командир, приказал радисту:

- Передай в центр, что банда ликвидирована, пленных нет, подмога не нужна, находимся на границе с Пакистаном.

Он дал всем указания:

- На рассвете идем в это ущелье. По разведывательным данным это та дорога, по которой отправляют подготовленных в Пакистане к боевым действиям душманов.

- Мы нарушаем Международный закон.

- Для того мы и спецназ, чтобы нарушать законы, для справедливости, убираем в Афганистане полигоны моджахедов.

- Так они преспокойненько в Пакистане прячутся.

- Нам нужно выполнить приказ высшего командования. Достать главаря Мухаммеда, живого или мертвого. Нам разрешили привал, можно отдохнуть до рассвета.

Трунов довольно сказал:

- Пацаны, я в восторге, даже мысль появилась остаться служить в спецназе.

- Да, здорово, интересно с ними - поддержал его Токарев.

- Не радуйтесь легкой победе – серьезно сказал Ивашино. – Раз на раз не приходится.

- Ты прав, Володя – продолжил я. – Когда я был в разведке, караван брали, духов было в пять раз больше нас, вооружены были до зубов, попотели мы тогда. Патроны у нас стали заканчиваться, еще бы чуть-чуть и победа была бы на их стороне. Вовремя вертушки прилетели. Из-за гор, когда появились первые лучи солнца, мы пошли в ущелье. Там снова стало темно, как в пещере. Стены камней в некоторых местах были такие узкие, что приходилось снимать

автомат и вещмешок, проходить боком. Перешагивать нужно было большие камни. Это значит – бывает здесь обвал. Я посмотрел вверх, скалы были неровные, от них выступали, как прыщи, бугорки. А с неба еще видны были звезды. Я вспомнил, как в детстве отец мне рассказывал, когда он вырыл глубокий колодец, то днем оттуда были видны звезды. Я думал, когда вырасту, обязательно спущусь в колодец и посмотрю. Но, когда я стал взрослым, посчитал, что это глупость.

Дальше, как по ступенькам мы стали спускаться вниз, слышался шум, правая нога соскользнула, я посмотрел вниз. Это была вода, все ясно, шумит родник. Ущелье стало расширяться, и ручеек тоже стал больше. Мы подошли к такому месту, где было углубление и можно было свободно попить и набрать фляжки воды. Вода в Афганистане дороже золота, здесь очень мало водоемов. Мы все пили с такой жадностью, что казалось, на земле ничего лучше нет. Стало уже совсем светло, радист сообщил координаты, где мы находимся. Переход стал сложнее, справа была гладкая скала, слева тоже. Посередине вместо тропы – ручеек. Дальше нужно было спускаться вниз по веревке. Мои друзья держали веревку, я пошел за радистом. Внизу, куда стекал ручеек, была яма. Вода была чистая, поэтому было видно дно, расстояние с метр глубиной. Радист поскользнулся и не удержался, полетел с рацией в ту яму. Видимость глубины оказалось обманчивой. Радист опускался все ниже и ниже, рация с автоматом тащили на дно, он махал руками. Думать и смотреть на это было невозможно. Я бросил свой автомат и вещмешок в сторону от водоема, и прыгнул на помощь радисту. Ведь я с детства тренировал себя долго находиться под водой. Глубина оказалась пять метров. Я почувствовал холод родниковой воды. Я открыл глаза. Когда я увидел беспомощного радиста, он в панике пытался избавиться от рации и автомата. Из рта шли пузыри, ощущение, как будто мы находимся в бездне. Я быстро снял с него рацию и автомат и за шиворот потащил вверх. Нас встретили и вытащили сильные руки. Бедняга стал кашлять, выплевывать воду. Я вспомнил о главном и снова нырнул, достал рацию и автомат. Радист проверил рацию и виновато доложил командиру:

- Мы без связи.

Командир спокойно ответил:

- Главное - ты живой. Через час наши будут нас искать, а мы в Пакистане. Значит, будем действовать по обстановке.

В этих местах текли родники. Приходилось перешагивать их, ступая с камня на камень, а где-то идти по воде. Я сказал Ивашино:

- Нелегкий переход через границу, а ведь душманы каждый день здесь проходят.

- Горцы – ответил Ивашино. – Сильные люди.

Дальше ущелье становилось еще шире, а родники превратились в маленькую речку. Тропы больше не стало. Справа два спецназовца, как богатыри, раздвинули камни и обнаружили пещеру. Они с фонарями осмотрели ее и доложили командиру:

- Пещера уходит вдаль, конца не видно.

Командир задумался, осмотрел все вокруг, а потом сказал:

- У нас два пути. Если пойдем по воде, то с гор нас увидят. Пещера, вероятно, ведет к духам. Также можно попасть в засаду. Жаль, что нет рации,

сейчас бы связались с разведкой. Хадовцы должны знать эту дорогу, подсказали бы. Как то нужно пройти по речке незамеченными, ведь где-то должен быть выход.

- Товарищ полковник, - обратился я к нему – разрешите мне, я долго могу продержаться под водой и хорошо плаваю, я уже все равно весь мокрый.

Он заулыбался и ответил:

- Хорошо, в воде ты показал себя, как рыба. Бери только один автомат, наш «Калашников» и под водой стреляет. Действуй по обстановке, заметишь что-то подозрительное, возвращайся. Мы будем через бинокль за тобой наблюдать.

Я скинул вещмешок, снаряжение с патронами и гранатами, затянул автомат к спине. Я пошел по течению реки, было чуть выше колена. Затем я вдохнул воздух, опустился под воду и, перебирая руками по каменистому дну, как крокодил, пошел по направлению. Наткнулся на большой камень, который торчал выше воды, поднял голову до уровня глаз, осмотрел все вокруг, набрал воздуха и снова поплыл так до следующего камня. Река пошла зигзагом влево и вправо. От наблюдения своих скрылся, но сейчас вполне за мной могли наблюдать враги. Но раз я сам напросился, то задание должен довести до конца. Река становилась все глубже и шире, наконец, закончились ровные скалы, и справа появился берег. Чуть дальше через несколько метров с горы лил водопад. От водопада большой ручей стекал в реку, дальше течение шло сильнее. Я решил осмотреть это место. От берега на небольшой холм шла тропа, я стал медленно подниматься и за холмом увидел чалму, сразу же залег на дно, под водой снял автомат и прижался к округленному камню, который торчал выше воды. Из-за камня я выглянул и увидел, что по тропе идет отряд вооруженных моджахедов. Как у нас говорят, с Пакистана в Афганистан на работу ходят. Они подошли к водопаду и там, как в аномальной зоне или сказке, стали по одному исчезать. Все исчезли, больше не видно ни одного человека. По приказу командира мне уже можно возвращаться, но только, что я скажу «банда моджахедов испарилась у водопада». Надо срочно и тщательно все проверить. Я вышел из воды, стряхнул вниз ствол автомата, снял с предохранителя, нагибаясь, добежал до водопада. Осмотрел все вокруг, ничего подозрительного не заметил, протянул руку к сливающейся воде, она не исчезла. Я догадался, прыгнул на водопад и оказался в пещере, повернулся, оказалось, водопад был, как двери. Нет никакой аномалии и сказочного превращения. Интересно, для чего эта пещера и куда она ведет. Да ведь это же, как туннель через горы, скрытый выход в ущелье. Нужно срочно предупредить наших. Я выпрыгнул из пещеры, и сколько было сил, побежал по речке. Против течения было тяжело бежать. Вдобавок, как назло попадались большие камни, я спотыкался о них. Как жаль, что нет берега, одни гладкие скалы, сейчас бы крылья да полететь. Когда завернул за изгиб реки, остановился, чтобы отдышаться, и показал руками знак, что душманы в пещере. Меня поняли, быстро задвигались фигуры людей. Спецкоманда заняла боевые позиции. На душе стало легче, я успел предупредить, посмотрел назад, в даль реки, я даже не заметил, как далеко уплыл. Душманы один за другим выходили из пещеры. Я сразу же лег у первых больших камней, прицелился из автомата, стрельбы не было, тактика боя была ясна. Когда выйдут все, то они попадут в засаду. Вышел последний душман, враз застрочили автоматы и пулеметы. Часть душманов

вырвалась из засады, одни побежали к пещере, другие по течению реки. Вот тут я их и встретил прицельным огнем. Полетели гранаты, раздались взрывы, произошло непредвиденное - начался обвал... С гор полетели глыбы камней, началось стихийное бедствие, катастрофа. Прятаться было негде, я прижался к скале, руками обхватил голову, все, что я мог сделать – это молиться Богу. Камни били по рукам и спине, Господь услышал мои молитвы, большая часть завала обошла стороной. Когда все стихло, я встал во весь рост, вокруг – пыль, все как в тумане и, как приведения, из тумана появились бородатые моджахеды. Я навел на них ствол автомата и нажал на спусковой крючок, автомат молчал. Я перезарядил его, он замолк насовсем, патроны кончились, они уверенно подходили ко мне все ближе и ближе. От них я услышал «кушдан шурави» - убить советского, но главарь приказал не стрелять, показал пальцем на горы, что может снова начаться обвал. Он вытащил из сапога кинжал. За их спинами я увидел, что ущелье было завалено, вот почему наши не стреляют. Лучше бы я погиб под завалом, чем от рук этих кровожадных «зверей». Жаль, что нет гранаты, взорвал бы себя и напоследок им бы досталось. Главарь был выше меня ростом и в три раза шире, выглядел, как великан-злодей, а я перед ним, как безобидный мальчишка. Он встал передо мной, в его черных глазах была жестокая ненависть и при всем этом он заулыбался, почувствовал удовольствие, что сейчас хладнокровно зарежет меня, как барана. Лезвие приближалось к моему горлу.

- Аллах Акбар – хором проговорили духи.

Терять мне было нечего, легко сдаваться я не собирался, ногой отбил его острый длинный кинжал и автоматом со всей силы ударил по голове. Он вскрикнул и рухнул на камни. В ярости, как дикий зверь, я напал на моджахедов, автоматом размахивал, как мечом, и кричал «получите подарки от русского солдата!». Мои силы были на исходе, «один – в поле не воин». Сзади душман ударил меня прикладом по затылку, искры из глаз посыпались, и меня куда-то потащили дикие бородатые люди.

Что это? Сон снится или наяву? Яркое засветило солнце. Я посмотрел на лучи солнца, странно - не ослепляет глаза.

- Господи, я умер?

С небес раздался пронзительный громкий голос.

- Нет, сын мой.

Все потемнело...

Плен

Я открыл глаза. Передо мной стоял человек, в руках у него был шприц, на голове белая чалма, в темных очках. Одет в национальную мусульманскую одежду. Лицо у него было не смуглое, как у азиатов, ближе к славянско-европейскому типу, просто загорелое. Где это я, во сне или наяву? Хотел спросить у этого человека, но не смог. Челюсть не двигалась, на распухших губах была засохшая кровь. В голову, как будто воткнуты были иголки, невыносимая боль, в ушах звенело, как будто звонили церковные колокола. Тело не двигалось, в суставах чувствовалась одна боль и усталость. Значит это я не во сне. Тогда зачем я здесь? Глиняный пол, тоже глиняные серого цвета стены и потолок, окно с решеткой. Все понятно, я в плену. Самое худшее для

человека – это плен. Лучше бы они меня убили. Человек в очках громко крикнул «Шараджон». Появился еще один человек. Он был азиат, но такого я в жизни не видел – среднего роста, черные длинные кудрявые волосы, кудрявая борода и усы, большие выразительные глаза, зрачки его были чернее угля, белки глаз даже блестели, нос как у орла и большие губы. Он был худощав и тоже одет в национальную белую с блестками одежду. Они между собой о чем-то заговорили, их язык я не понял. Но догадался, что говорят не на афганском «дари», а на «пушту». Значит, я в плену в Пакистане.

Шараджон позвал кого-то, пришли два человека – азиаты. Одежды на них были грязные, на голове – темные тюрбеты. У обоих были испуганные лица, после каждого слова Шараджона они кланялись. Наверное, такие же пленники, как и я. Эти двое взяли меня за руки и потащили из тюремного помещения на улицу. На улице я увидел, что глиняные маленькие дома стоят буквой «П» и прикрывают их большие железные ворота, на всех окнах решетки. Было понятно, что это тюрьма для пленных. Посередине площадки стоял вкопанный столб, там висела веревка, в столбе были дырки от пуль, а также зарубки от острых предметов. Меня привязали к этому столбу, я подумал «значит, будут сейчас казнить, а еще хуже, если пытать и издеваться». Раньше я был наслышан, как наши солдаты попадали в плен. Над ними зверски издевались, а потом вешали за ноги и человек медленно погибал и истекал кровью. Но мне уже все равно, смерти я не боюсь. Вспомнил, что когда у моей бабушки я нашел Библию, читал ее на одном дыхании. Господь много раз спасал мою жизнь, поэтому я буду терпеть, пока жив. Передо мной постелили ковер, поставили на него кальян и разные угощения. Слуга пригласил господ. На ковер сели пять человек – Шараджон в очках и еще трое бородачей, одного я узнал. Это был Мухаммед. Вот они все главари душманов, сейчас бы автомат или гранату. Без них, наверное, в Афганистане война бы закончилась. Меня начали допрашивать, Шараджон задавал вопросы, человек в очках переводил на русский с акцентом.

- Ты - русский солдат или офицер?

К ним у меня была ненависть. Тоже мне нашлись правители мира. И чтобы доказать, что я русский стойкий солдат, я гордо держал голову, смотрел им в глаза, не отвечая на вопросы.

- Какой армия, ты?! Имя твое?!

Я продолжал молчать. Они между собой стали переговариваться. Шараджон заругался. Переводчик сказал:

- Если ты не будешь говорить, тебя будут убить.

Мне хотелось сказать вслух «напугать решили, так скорее». Назло им я улыбнулся, показал, что не боюсь смерти. Вот тут вспыхнул Мухаммед. Он нервно встал и подошел ко мне, близко рассмотрел мое лицо, повернулся к сидящим, громко закричал:

- Вай ах мок шурави (Он сумасшедший советский – сказал он на афганском).

Он узнал меня, тогда, в его логове в меня стрелял ХАДовец афганский Абдуссаттор, и я не вздрогнул. Мухаммед за этот поступок похвалил меня и поверил разведчикам. Из-за чего взорвали у него все боеприпасы, и он чудом остался живой. Мухаммед из-за пояса достал плетку, несколько раз хлестнул меня, закрутил вокруг шеи хлыст и стал душить. За меня заступился

Шараджон, оттолкнул его и размотал плетку, заругался на Мухаммеда, хотел доказать, что он здесь хозяин. Я не понимал на «пушту», но догадался, что только Шараджон может приказывать, что делать с пленниками. Меня привели в место заключения, закрыли дверь. Ну вот, на сегодня казнь отменили, что теперь будет дальше. Вечером зашел слуга Шараджона, принес в старом медном выгнутом кувшине воды и половину сухой лепешки. Он заговорил по-русски.

- Шурави, если жить хочешь, води себя хорошо, Шараджон мудрый человек. Он будет тебя дорого продавать. Здесь был десантник, хотел бежать - он показал пальцем по шее - ушел к Аллаху.

«Жаль его» – подумал я, и в то же время чувствовал гордость, что он не встал на колени.

- А ты откуда русский язык знаешь – задал я вопрос.

- Я был царандой (афганская милиция). Учился в Узбекистан, там стал русский знать, украли меня в плен. Мухаммед продал Шараджон.

- Что за древний век у вас. Людей в рабство продают.

Он ладонями провел по лицу, помолился и шепотом со злостью проговорил:

- Такой человек, как Мухаммед – шайтан (черт, сатана), он любит войны и много тенге (деньги).

- «Кому война, а кому – мать родная» – сказал я русскую поговорку.

- Тебя как звать?

- Сережа.

Он пожал мне руку.

- А меня Рашид. Хороший ты человек, Сэрожа. Аллах поможет тебе.

И он ушел. На душе стало легче. Этот пленник Рашид за короткое время стал мне близок. Он мне дал надежду на жизнь. Если меня хотят дорого продать, значит, покупателю товар нужен хороший. Из кувшина я налил в ладонь воды, стал мыть лицо, почувствовал боль. Нос, губы, веки глаз были опухшие. Да если бы посмотреть в зеркало, то я страшнее урод, неужели они такого продавать будут. В воде я размочил сухую лепешку, но есть было невозможно, челюсть еле двигалась. Все, что я смог – это попить воды. Облокотился спиной к стене, так стало легче, здесь не было никакой лежанки, только пол, стены, низкий потолок и маленькое окно с железной решеткой. Было душно, летали мошки, чувствовалось, как тело кусали насекомые. Тяжесть, слабость в руках – я не мог со всем этим справиться, а я ведь всегда был сильным. Остается одно, как подсказал мне Рашид, молиться Богу. «Отче наш» я знал наизусть и всегда помнил, где бы я ни был, просил о спасении и восстановлении сил, почувствовал легкость в теле, боли не стало, и я заснул. Раздался громкий голос:

- Эй, шурави ахмок кушдан даркор (советский сумасшедший, тебя убить надо).

Что это, страшный сон? Из окна за решеткой светил фонарь, и на все окно на меня смотрело бородатое в чалме злое лицо Мухаммеда. Он бросил ко мне черный мешочек, оттуда стали выбегать скорпионы - в полукруге согнутый хвост, на конце хвоста ядовитое жало. Значит не сон. В Афгане мы часто встречались со скорпионами, если его не трогать, то жалить не будет. Мухаммед рассчитывал, что я, как трус буду прятаться, паниковать. На все это

я смотрел спокойно, не двигался. Скорпионы забирались по ноге, как на гору. Скорпионы убегали в поисках уюта. «Ну вот, теперь я здесь не один, может еще и подружился. Не дождется Мухаммед, чтобы я в мучениях от скорпионов умер». Он лезвием кинжала провел у своего горла.

- Ту кушдан даркор (убить тебя надо) – грозно повторил он и ушел.

Ночь затянулась навечно, как будто время остановилось, а ведь мы не так давно с друзьями считали дни до дембеля, спешили домой. Я вспомнил, как перед последней боевой операцией мне приснилась львица. Она мне сказала «завтра достанется, а потом тебе будет плохо». Все так и произошло, на второй день мы попали в засаду. Петренко и Царенова тяжело ранили, машина с боеприпасами взорвалась, могли все погибнуть. А сейчас Токарев, Ивашино, Трунов и весь спецназ под завалами, может не живые уже... Не выполнили мы задание, ни ликвидировали Мухаммеда. А вот он теперь пытается меня уничтожить, я сжал кулаки. Может еще не все потеряно, отомщу. На кулаке я почувствовал скорпиона. Я приподнял руку к окну, посмотреть на него. Он махал своим ядовитым хвостом, как будто понимал меня. Он тоже отомстит Мухаммеду за то, что его поймали в плен. Скорпион перебрался на окно и ушел на свободу. Ну, хоть кого-то я спас от заключения. На следующий день пришел Рашид. Я ему был так рад, что хотелось ему открыть свои чувства, что я ждал его с нетерпением, как брата.

- Салам, Сэрожа.

- Салам, Рашид.

Сегодня он принес в алюминиевой миске кашу, посмотрел на несъеденную лепешку.

- Зачем не кушал?

Я пожал плечами, не знал, что ответить.

- Тэбе кушать нада. Господин может хороший будэт, тэбэ купить. А ты не красивый. - Когда стал уходить, у двери повернулся. – Мухаммед Афганистан ушел.

Закрыли на замок дверь. Ну вот, так хотелось с ним поговорить, не успел. Он заботится обо мне, как о родном. Где бы я ни был, мне всегда встречаются хорошие добрые люди. Даже здесь в плену. Хорошую новость сообщил мне Рашид. Вероятно, один Мухаммед желал моей смерти. Сейчас он ушел за другой. У меня есть возможность жить.

Водой я разбавил кашу, и как с бульоном съел ее. Как бы тяжело не было, надо поправляться. Я долго занимался восточными единоборствами, много книг прочитал. Мастера учат, что заниматься можно в любых условиях. Я начал с медитации, представил себя сильным и здоровым, я дышу свежим чистым воздухом, струя космической энергии заполняет все мое тело. Так я стал заниматься каждый день, через боль тренировал руки и ноги, молился Богу. Я чувствовал, как он помогает мне. Мне стало не скучно, постепенно я окреп. Когда за мной наблюдал надзиратель, мне, как разведчику, приходилось показывать себя, что от одиночества я схожу с ума. Нужно, чтобы обо мне думали, что я физически слаб, иначе мне оденут кандалы или может быть хуже – каждый день за окном я слышал крики о пощаде и выстрелы. Постоянно кого-то казнили. Молитвы к Богу помогли мне, ангелы хранили меня. Я постоянно думал о побеге, надеялся, что наступит такой день и вот тут нужна будет

физическая сила. Ночью мне приснился сон – верблюд, на спине два горба, а за верблюдом я увидел своих друзей. Утром зашел Рашид.

- Салам, Сэрожа.

- Салам, Рашид.

- Господин купить тебя пришел. Веди себя хорошо.

Я молча махнул головой, в душе непонятно, что происходило. Сейчас меня, как вещь, будут продавать в рабство. Если такой тиран, как Мухаммед, то я не пожалею свою жизнь, отправлю его к Аллаху. Мы зашли в гостиную Шараджона. На полу постелен большой ярко-красный узорчатый ковер. У стены стоял топчан, на нем сидел Шараджон, человек в очках, а по краям топчана стояли телохранители с автоматами. Кто из них покупать меня будет, этот в очках..., так почему он раньше этого не сделал. Тот, на кого я подумал, громко сказал что-то на английском языке. Из соседней комнаты вышел человек, худенький, ниже среднего роста, одет в национальную черную одежду, на голове белая блестящая чалма, лицо прикрыто платком. От него приятно пахло. Я уже привык дышать затхлым воздухом, поэтому резко реагировал на запахи. Этот господин осмотрел меня с ног до головы, обошел вокруг. Встал передо мной, уставился в мои глаза. Вдруг он убрал платок и что я увидел... Это была молодая женщина - худощавое белое лицо, голубые глаза, ровный носик, выпуклые розовые губы. Находясь в Афганистане, а потом и здесь в плену, я уже думал, что женщин на земле не существует. А теперь я вижу и не могу поверить. Вот почему от нее пахнет приятным ароматом – это духи.

- Тебя как звать? – Задала она вопрос с акцентом.

- Сергей.

- О, Серж – улыбнулась она.

И я непроизвольно улыбнулся.

- Ты русский?

- Да – ответил я.

- Я - Франция. Ты хочешь Париж?

Для меня это было что-то необъяснимое, я настраивался на кровожадного безбожного покупателя, а передо мной милое создание, чтобы быстрее сбежать из этого плена, я готов хоть на край света. Я помотал головой – значит согласен.

- Меня звать Мишель. Я хочу быть твой друг.

Она протянула мне руку, я по-дружески пожал ее хрупкую нежную руку. Мысли путались, как такое изящное создание находится здесь, да еще предлагает мне уйти из этого ада. Мишель за руку повела меня в ту комнату, откуда вышла. Там тоже на полу был постелен ковер. Топчан стоял с разными угощениями и фруктами, а в сторону топчана была направлена видеокамера, которая стояла на штативе. Мы сели на топчан, она дала мне из вазы виноград.

- Кушай, Серж.

Я забыл все правила поведения, взял горсть винограда, и стал есть, как голодное животное. Вода, сухой хлеб и непонятная каша – это все, что я до этого ел. Мишель подошла к видеокамере и включила ее.

- Тебе здесь хорошо? – Приятным голосом с улыбкой спросила она.

Я махнул головой и продолжал есть все подряд. Она повторила.

- Скажи громко «мне здесь хорошо».

- Мне здесь хорошо.

- Ты советский русский солдат, говори громко.

- Я советский русский солдат.

Для нее мне хотелось сделать все, что она попросит, поэтому я повторял все, что она мне говорила. В данный момент я даже не понимал, что происходило, о чем шла речь. Она ласково улыбалась, я чувствовал себя счастливым. Я даже не обратил внимание, когда в конце сказал «Я добровольно пришел к борцам за свободу Афганского народа, и я буду сражаться вместе с ними против советских войск».

В комнату вошли Шараджон, человек в очках и вооруженные моджахеды. Они стали мне пожимать руку. Человек в очках сфотографировал меня, поприветствовал и дал одежду моджахеда. Шараджон приказал переодеться. Я переоделся и мне вручили автомат Калашникова. Такое ощущение, что я принял присягу. Человек в очках продолжал фотографировать, а Мишель снимала на фотокамеру. Человек в очках довольно сказал:

- Ты будешь знаменит – Америка и Запад.

До меня все дошло. Этот, в очках – американец. Они провели надо мной психологический эксперимент и провели, как щенка. Ждали, когда я поправлюсь, не зря он мне уколы ставил. Рашид готовил меня к встрече, чтобы я вел себя хорошо. Мой покупатель оказался французским журналистом, при виде красивой женщины каждый мужчина теряет голову, особенно пленный. И вот теперь в Америке и на Западе, по телевидению и в газетах покажут меня, то, как советский солдат перешел на сторону моджахедов. Так же постараются опозорить не только меня, а всю нашу страну, что я советский солдат – предатель Родины. Я перезарядил автомат, сгоряча подумал – всех перестреляю. Ствол наметил на фотоаппарат, чтобы уничтожить пленку. Я нажал на спусковой крючок, раздался щелчок, патронов не было, американец повторил.

- О кей, реклама. Ты стрелять советских.

Он и здесь предусмотрел, как будто я специально позировал для фотографии. Весь этот спектакль – это были цветочки, дальше банда моджахедов привязали мне руки и за веревку, как собаку, повели в Афганистан. Журналисты должны заснять, как я буду стрелять в советских. Шли мы по высокогорью, по хребтам. Я высматривал пути побега. Сбежать было невозможно, разве только самоубийство, либо меня подстрелят, либо прыгнуть в пропасть. Посмотреть, как я буду стрелять, пошел с журналистами даже сам Шараджон со слугой Рашидом. На верхушке горы американец и Мишель установили на штативе фотоаппарат и видеокамеру, прикрутили увеличительные объективы. С ними остались Шараджон с биноклем и Рашид. Мы пошли дальше. Они всё предусмотрели, меня, и весь этот бой они будут снимать в безопасном месте, вдалеке от нас. Мы подошли к месту, за перевалом была расположена проезжая дорога. Там проезжали грузовики с повышенными ярко разукрашенными бортами. Сразу можно определить, что это афганские машины, отличаются от наших. Главарь банды дал команду моджахедам – занять боевые позиции. Все подчинились приказу, разбежались, кроме меня и двух вооруженных конвоиров. Главарь положил автомат на самой вершине горы у белого большого камня. Я догадался – это для меня, чтобы я был на виду у журналистов и моджахедов.

Главарь подошел ко мне, кинжалом разрезал веревку между рук, освободил. Пальцем он показал на автомат, чтобы я приготовился к бою. Предупредил «Ту яркок даркор». Из этих слов я понял, что если я оружие направлю против них – «ман кушдан» (меня убьют), «паррондан даркор шурави» (стрелять я должен только по советским). Я ему ничего не ответил, гордо, молча пошел, как на эшафот. У меня нет больше шансов выжить. Меня убьют свои или духи. Правее от белого камня я заметил овраг. Подошел к автомату, взял его, снял рожок, убедился, что патроны есть, вдобавок трассерные. Специально, чтобы на видеосъемке было видно, как летят огненные пули. Сразу же пришла мысль укрыться в овраге и все патроны израсходовать по духам, снарядил рожок и зарядил автомат. Я повернул голову и посмотрел на их реакцию, они направили стволы мне в спину. На дороге появилась советская военная колонна – темно-зеленые грузовики, покрытые тентом серого цвета бензовозы. Впереди ехал БТР.

- Да, вооруженная охрана слабовата – сказал я вслух. – Что же вы так не досмотрели.

Если гранатометом подбить БТР, то бензовозы можно поджечь трассерными пулями и от колонны ничего не останется. А ведь весь этот груз везут мирным жителям – афганскому народу, а за моей спиной «борцы за свободу», которые уничтожают всё, что принадлежит добрым людям. Кто же здесь прав? Понятно – всё решают деньги. Журналисты получают за меня большой куш. Я лег и сделал вид, что приготовился к бою. Сердце забилося от волнения, лучше бы я находился в той советской колонне. «Господи спаси и помоги, сделай так, чтобы наши пацаны живые остались». Чуть выше гор поднялся вертолет МИ-24 (крокодил). Господь услышал мои молитвы, он послал ангела-хранителя. Главарь крикнул мне «не стрелять, чтоб притаился». Они все знают – это летающий танк, его даже гранатометом не подбить. Хитрая тактика боя мне давно уже известна. В укрытиях они дождутся, когда пролетит вертолет, а потом сделают свое грязное дело, обстреляют колонну. Я послушался приказа главаря – залег под белый камень, а сам следил за моджахедами. Они, как мыши, исчезли по норам. Вертолет приблизился и стал пролетать над нами. Я встал во весь рост, чтобы меня увидели пилоты вертолета и выстрелил в небо, чтобы подумали, что в них. И в несколько длинных прыжков я очутился в овраге, над головой просвистели пули, в меня стреляли духи, но этим они себя выдали. Вертолет МИ-24 сделал вираж и по банде моджахедов запустил ракеты, застрочила автоматическая пушка. Началась паника, кто-то стал убегать, а кто-то пытался подстрелить вертолет. Я пытался вылезти из оврага, отомстить духам, доказать, что мы правы, но какая-то сила меня держала. От взрывов содрогались горы, летели камни и осколки. Я мог погибнуть от своих, пилоты не знают, что я русский солдат. Ми-24 прекратил стрелять, покрутился несколько раз и улетел. Я вышел из оврага, пыль с дымом рассеивались в воздухе, моджахеды лежали неподвижно. Боевой вертолет выполнил свое задание до конца. Я посмотрел на дорогу, колонна прошла, я легко вздохнул, слава Богу – проехали. Неужели все, я спасен... Осталось только бежать к нашим или дожидаться, должны прилететь десантники для проверки, прочесать всю местность. Я вспомнил про киносъемку, в которой меня снимали. Я решил, что никто не должен это увидеть, побежал на ту дальнюю гору, где за мной следили и снимали фильм журналисты. На горе я

увидел три мертвых тела – Шараджона, Рашида и американца, они лежали лицами к земле. Молодцы вертолетчики, они их достали. Жаль Рашида, бедняга, желал людям добра, обо мне, как брат, заботился. От взрыва видеокамера была разбита вдребезги. Ну вот, кинофильма не будет, а вот фотоаппарата нигде не было.

Я осмотрел все вокруг. Ведь он же был у американца, я перевернул его холодное тело, все очки в трещинах, он двумя руками держал фотоаппарат. Я с трудом разогнул его окаменевшие пальцы и фотоаппарат был у меня. Я положил его, сделал то, что у меня до этого не получилось. Трассерными пулями я его прострелил, от пленки пошел дым.

- Рекламы не будет, Америка и Запад обо мне даже не узнают – сказал я.

Я услышал стон женщины, спустился вниз по горе, за двумя большими камнями лежала француженка Мишель. Увидев ее, я бросил в сторону автомат, встал на колени и как смог нежно поднял двумя руками ее голову. С головы упала белая шелковая гладкая чалма. Каштановые, кудрявые, длинные волосы свисали вниз. Боже, до чего же она прекрасна ... В ладонях почувствовал тепло, это была ее кровь.

- Мишель, Мишель – громко сказал я.

Она открыла глаза, я не мог на нее наглядеться: ровно подкрашенные ресницы, чистое худощавое гладкое лицо, приятный запах духов.

- Серж – тяжело произнесла она. – Поцелуй меня – сказала она чисто по-русски.

Я исполнил ее желание.

- Серж – медленно сказала она и улыбнулась.

Голубые глаза и ее губы застыли навеки.

- Мишель, Мишель! – Разрывая горло, кричал я, но она меня не слышала. – Прости меня, это я виноват.

На затылке я почувствовал твердое холодное железо, я повернул голову, ствол автомата на меня навел Мухаммед.

- Салам ахшок шурави (Здравствуй, сумасшедший советский). Ман кушдан туга (Я убью тебя).

- Стреляй – ответил я по-русски.

Меня окружили бородатые бандиты, как стая голодных волков. Я считал себя уже свободным, оказывается, ошибся. Свобода обошла меня стороной, я снова в плену. Меня привели в новое логово Мухаммеда. Раньше он прятался под землей в пещерах, а сейчас на высоких горах. Перед собой я увидел большую вырытую яму, вероятно, она для пленных, а может быть будет моей могилой. Мухаммед ногой толкнул меня в спину, я полетел в яму, упал на ноги, почувствовал боль в левой ноге. Мухаммед громко закричал:

- Гир бакшиш (возьми, подарок).

Он приказал всей банде кидать в меня камни, с радостным смехом они стали исполнять его приказ. Все, что я смог, это обхватить руками голову. Свое тело я уже давно и много раз тренировал переносить боль, как индийские йоги и мастера восточных единоборств. Каждый человек может достичь такого уровня, мои друзья об мою спину ломали даже толстые палки. Но перед этими зверями, которые жаждали разорвать меня, я показал слабость – пусть думают, что закидали до смерти. Удовлетворившись развлечением, они ушли. Я посмотрел вверх, яма была высокая - не допрыгнуть, ногами и руками не

упереться. На меня никто не смотрел, значит, они уверены, что я не сбегу. Я поднялся, осмотрел руки, на них появились синяки, шишки и царапины. От своих пальцев почувствовал приятный запах, они до сих пор пахли французскими духами Мишель, а на ладонях осталась ее засохшая кровь. Мне она сразу представилась перед глазами как живая – красивая, изящная. А может она на самом деле хотела увезти меня в Париж? Все произошло так страшно. Такая женщина не заслуживает смерти. Так хотелось в ярости закричать, чтобы услышал весь мир «как я ненавижу эту войну!». За что погибают мирные и добрые дети и подростки, мужчины, женщины и старики. Хуже всего то, что где война, там и плен, а плен – это ад на земле.

Солнце шло к закату, начало медленно темнеть. Я услышал голос Муллы.

- О Бисмило рохман-рахим.

Как они так могут? Грабят, убивают людей и верят в своего Бога - Аллаха, наверное, он прощает им грехи.

- Эй, ахмок (эй, сумасшедший). – Услышал я голос Мухаммеда.

Он улыбнулся. В руках он держал длинную толстую змею - гюрзу.

- Гир бакшиш (возьми подарок).

Он бросил ее мне в яму. Он думал, что я боюсь змей. Когда она упала, я быстро взял ее за хвост и, сколько было силы, швырнул в него. Змея окрутила его широкую шею. Мухаммед захрипел, открыл рот, достал кинжал, но не успел защититься, гюрза отомстила ему. Он полетел головой вниз ко мне в яму, я отошел в сторону, уступил ему место падения. Он грохнулся ногами вверх, я вызволил из его рук здоровенный острый кинжал, хотел пронзить его тело, но он уже был мертв. Как говорит поговорка «не рой яму другому – сам в нее попадешь». Змея медленно сползала с его шеи, искала убежище. Я посмотрел вверх, никого не было, слышал только молитвы, значит, никто не увидел.

Насколько мог, я поднялся на носочки и кинжалом сделал в стене углубление, каменистая земля поддалась. Левой рукой я подтянулся и чуть выше снова острием сделал ямку, так я стал подниматься. Чуть выше я уже упирался ногами и до верха забрался, как по лесенке. Я медленно высунул голову из ямы. Со стороны востока вся банда душманов стояла на коленях и молилась Аллаху, ко мне они были спиной. Так вот почему они не заметили, как неверный Мухаммед делал свое подлое дело. Я посмотрел в противоположную сторону, туда, где заходило солнце. Оранжевые лучи освещали верхушки гор. В этих горах я увидел силуэт верблюда с двумя горбами, я вспомнил, как мне приснился яркий цветной сон – живой верблюд, а за ним мои друзья. Вещий он должен быть, значит за этими горами наши.

Я выбрался из ямы и как можно тише ушел от этого логова, и дальше, не оборачиваясь, побежал вниз по горе. Было чувство, что за мной гонятся и стреляют в спину. Ноги были тяжелыми, особенно болела левая нога из-за вывиха. Прихрамывая, через силу, я заставлял себя не останавливаться. Когда я спустился вниз, уже наступила ночь. Было так темно, что ничего не было видно на расстоянии вытянутой руки. Где-то сверху раздались выстрелы, я посмотрел назад, высоко летели трассерные пули – маленькие красненькие огоньки, выглядело, как веер. Духи спохватились, стреляют наугад. Я пошел пешком, впереди меня большая гора, ее не обойти. Если бы сейчас был день, меня бы уже заметили, поэтому за ночь нужно уйти как можно дальше. Я дошел до горы. Тропинки я не видел, поэтому приходилось помогать руками и

забираться вверх. Была двойная угроза, я мог нарваться на засаду к духам и к нашим, ведь я был одет, как моджахед. В данный момент был риск сорваться с горы в пропасть, но выхода у меня не было. Я поднимался, где-то сыпались камни, но я двигался вперед. Кинжал мне снова помогал, где я не мог зацепиться руками, я втыкал туда твердое острое лезвие. Во всех войнах захваченное трофейное оружие спасает воинов. Поднимался я долго, казалось, что высота бесконечная. Наконец я встал на ноги и пошел, но наткнулся на гладкую каменную стену. От нее отскакивал кинжал, руками зацепиться было невозможно. Ощупывая ладонями стену, я пошел в правую сторону, споткнулся о камень и упал, открыл глаза, перед собой увидел высокую скалу. Я повернул голову, вдалеке внизу из-за хребтов поднималось солнце, что это получается, я спал... Я успокоил себя тем, что ничего не произошло, угрозы нет, нахожусь на высоте, передо мной - афганские горы, на верхушках лежит белый снег. Посмотрел вниз, оказалось, совсем рядом зигзагом тянется тропа, жаль, что не сразу шел по ней, быстрее бы забрался. Вдалеке я увидел, что маленькие черные точки приближались к горной тропе. Душманы идут по моему следу, вероятно, заметили меня из бинокля. Надо бежать, я встал и чуть снова не упал, левая нога не сгибалась в колене. Ковыляя вдоль стены, я дошел до тропы, а дальше она меня повела по склону, теперь мне нужно спускаться по другую сторону горы. Я спешил, преодолевая боль, местами скатывался на спине, рукава были ободраны, руки до локтя расцарапаны до крови, появилась боль в спине, но я все равно, не замедляя темп, спешил. С горы я спустился быстрее, чем поднимался, но от этого легче не становилось, тело мое мне не подчинялось, ноги как будто стали чужие, спина не гнулась. Дул ветер, пошел дождь с мокрым снегом. Я вспомнил Родину, у нас зимой вьюги, метели, снег кружится, всегда было приятно, как в доброй сказке. Я встал, повернулся, посмотрел на горы. На верхушке, как движущиеся букашки, появились душманы, не видать мне больше доброй сказки, скоро они догонят меня. Я спрятался за большой камень, сжал крепко рукоятку кинжала. Все, в этот раз плена не будет. Дождусь их и сам нападу, повоюю еще напоследок.

- Эй, ту душманхо (эй, ты душман), рафтем (пошли), паррондан даркор (стрелять буду) – услышал я рядом громкий голос.

К кому это обращаются, или я схожу с ума?

- Ашнак (афганский бродяга), видно глухой, заблудился.

Это была уже русская речь, я повернул голову, из-за бугорка на меня смотрели двое с автоматами: один - азиат, второй - русский. Они в камуфлированной форме, в тельняшках и в капюшонах. Десантники-разведчики чем-то напомнили моего друга Ахмеда, когда мы с ним были в разведке, он учил меня афганскому языку. Я смотрел на них и не верил, наверное, я спятил или у меня галлюцинации.

- Ты, что молчишь, Ашнак, глухонемой что ли? – Навел ствол на меня десантник.

- Пацаны, пацаны – радостно ответил я охрипшим голосом.

- Ты что, русский?

- Да, да, я свой. С плена бежал. – И пальцем показал наверх. – Там духи за мной гонятся.

Азиат посмотрел в бинокль.

- Душманхо (враги) – сказал он по-афгански.

Русский дал мне команду.

- Не поднимай голову, быстрее ползи к нам.

Руками по земле я потащил свое неподвижное тело. Они помогли мне, затащили в окоп, дали воды. Русский дал команду:

- Рота, к бою.

Я услышал много щелчков боевого оружия, в глазах все расплывалось, я не верил в то, что со мной происходит. Наверное, это счастливый сон.

- Пацаны, дайте мне автомат.

Азиат посмотрел на меня, улыбнулся, подмигнул мне.

- Твоя война закончилась, отдыхай, боча (парень).

Допрос

Меня доставили в Гвардейскую десантную бригаду. Наконец, я по-человечески помылся, подстригся, побрился. Меня накормили, оказали медицинскую помощь. С десанниками я быстро подружился, они неугомонно задавали мне тысячу вопросов. Я им отвечал, рассказывал, они, как дети, с открытыми ртами, внимательно слушали. Высокий мускулистый короткостриженный капитан десантной разведки пригласил в свою палатку. На стол он положил кинжал Мухаммеда.

- Присаживайся, рядовой Медведев Сергей. Расскажи подробнее, где служил, в каком подразделении и как попал в плен?

Я ничего не скрывал, как - никак я у своих. Рассказал, что я - пограничник, служил в спецкоманде мангруппы, далее со спецназом КГБ пошли на захват банд главаря Мухаммеда. Во время перестрелки с душманами произошел горный обвал, команду засыпало камнями. У меня закончились патроны, в рукопашной схватке с душманами попал в плен. Тюрьма для пленных находится в Пакистане, на границе с Афганистаном. Там надо мной провели психологический эксперимент, чтобы я перешел на сторону моджахедов. Переодели меня и под вооруженной угрозой заставили стрелять в наших, советских, но появился наш вертолет МИ-24 («крокодил»), я спровоцировал моджахедов и боевой вертолет ликвидировал банду, я чудом остался живой – укрылся в овраге, но снова был захвачен бандой Мухаммеда. Мухаммед издевался надо мной и змею, которую он приготовил для меня, я выбросил на него – она же его и убила. Все это происходило, пока у душманов шел вечерний намаз. У мертвого Мухаммеда я забрал вот этот кинжал и бежал из плена. Капитан взял кинжал и сочувственно сказал:

- Верю тебе, не успели мы тогда тебя спасти. Вертолетчики сообщили, что обнаружили банду на перевале. Когда мы прилетели на проческу, даже и не знали, что Мухаммед опередил нас. А тех духов, что гнались за тобой, мы взяли в плен. Вот они и рассказали, что Мухаммеда больше нет. Сколько мы за ним гонялись, так и не поймали, такой он был неуловимый. А ты, находясь в плену, выполнил боевое задание спецназа КГБ.

Он положил кинжал на стол, встал и протянул мне руку. Я встал в стойку «смирно», он по-дружески, крепко пожал руку:

- Ты заслуживаешь высоких наград, а от себя и десантной бригады объявляю тебе благодарность.

- Служу Советскому Союзу – ответил я.

Утром на вертолете мы с капитаном полетели в Советский Союз, в пограничный штаб. Я снова, как ребенок, смотрел в иллюминатор, прощался с Афганом. Мне не верилось, путались мысли, неужели все – для меня война закончилась, закончился проклятый плен. А ведь с друзьями мы совсем по-другому представляли – будет у нас счастливый радостный дембель. В парадной форме на вокзале будем прощаться, крепко обнимать друг друга, договоримся о встрече и у нас всегда будет тема для разговора – воспоминания об Афганистане. Сейчас я один, друзей рядом нет – никакой радости. Странное в душе было желание – хотелось остаться. Прощай Афганистан, я буду помнить тебя до самой смерти. Мы пролетели речку и вот уже в Советском Союзе, где не стреляют и нет войны.

В пограничном штабе мы с капитаном расстались, напоследок он мне крепко пожал руку и сказал:

- Я написал рапорт про твои подвиги. Будь здоров и счастливого дембеля.

Дежурный офицер привел меня в кабинет начальника штаба. На столе лежал кинжал. За столом сидел майор, он был упитан, блестела лысина, маленькие, близко посаженные к носу глаза, опухшие щеки, большие губы и уши. Голова была как будто без шеи, приросшая к толстому телу. В зеленой пограничной форме он был похож на большую болотную жабу. Он даже не предложил мне сесть, смотрел на меня, как на врага народа. Передо мной был тот тип, которых в Афгане называли «тыловая крыса».

- Ну, рассказывай, как это ты умудрился попасть в плен? – Задал он вопросом звонким писклявым голосом.

В душе появилось раздражение, хотелось послать его ко всем чертям, но в данный момент моя судьба зависит от него. Я через силу рассказал ему все, что рассказывал капитану – десантнику.

- Складно рассказываешь, прям герой! А кто докажет? Свидетели есть?

- Да, пленные душманы.

Он засмеялся.

- А почему же их здесь нет? Глупец, кто этому поверит.

- Вот перед вами кинжал самого главаря Мухаммеда, пацаны – десантники докажут.

- Какого еще Магомеда? Какие десантники?

Он взял кинжал и убрал в сейф.

- Отправлю на экспертизу. Выяснят, чей он. Украл, наверное. Знаю я вас. – Начал он говорить, аж захлебываясь. – Вас отправляют честно и добросовестно выполнять интернациональный долг, а вы там распустились – пьянство, наркомания, мародерство, таможенники не справляются. Всякую дребедень везете с собой.

От несправедливости у меня закипела кровь, я закричал:

- Я не пойму, что вы от меня хотите?

- Молчать, солдат! – Он хитро сузил глаза и зашипел. – Чего я хочу... а чтобы ты знал. Наши пограничники, которые находятся в Афганистане, показали себя самыми лучшими воинами, больше всех захвачено и ликвидировано банд душманов, меньше всех потерь и раненых и ни один не попал в плен. А вот ты позоришь пограничные войска. Во времена Сталина пленный считался предателем Родины, их расстреливали или отправляли на каторгу. Так вот, по документам ты в списке среди погибших. Как мы теперь

будем докладывать верховному правительству в Москве? Что ты из мертвых воскрес? Такого не бывает. Где все это время отсутствовал?

Я не знал, что ему ответить, оказалось, что документы важнее и сильнее живого человека. Я ответил честно:

- Да, я на самом деле был в плену. Зачем правду скрывать?

Его затрясло в истерике:

- Ты спятил??? Я тебе говорю, что о плене и речи быть не может. А вот то, что ты где-то три месяца гулял, отлынивал – это называется дезертирство. Так вот, ты голубчик – дезертир. Придется тебе побыть в дисбате.

- Туга паррондан даркор (тебя стрелять надо) – сказал я.

- Что ты там сказал по-афгански? За оскорбление срок добавлю.

Мои нервы не выдержали, я сжал правый кулак и врезал ему между глаз. Он всем своим весом полетел на спинку стула, что аж ноги задрались вверх. Меня арестовали и закрыли на гауптвахте. Там никого не было, я лег на нары к окну, где была крепкая толстая решетка. Ну вот, я снова за решеткой. Избавился от афганского плена, так к своим в плен попал. Неудача так и наступает мне на пятки, а вернее всего «села мне на шею». Не видать мне дембеля, видно он где-то за высокими горами от меня спрятался. А может быть мне бежать, ведь от духов я бежал и здесь можно попробовать. Но только от своих не убежишь. Весь Советский Союз будет искать и срок прибавят. А если в Афган? Так там меня просто убьют... замкнутый круг какой-то... Вечером привели трех солдат, которые были наказаны по уставу на гауптвахту. Один сделал вид, что меня не заметил и молча лег. А вот двое встали передо мной, наверное, хотели познакомиться.

- Ты занял мое место – сказал один, нажёвывая спичку и всем видом показывая, что он здесь хозяин.

Оба были коротко подстрижены, лица их, по сравнению с афганскими парнями, выглядели глупо, по-детски.

- Ты что оглох? Перед тобой «дедушки» стоят.

После того, что со мной произошло, мне с этими «солдатиками» даже разговаривать не хотелось. Я назло им руки положил под голову, а левую ногу положил на согнутое колено. Я, как будто отдыхаю, и не слышу их. Но на самом деле во мне бушевала злость. Сколько боролся с этой «дедовщиной» в армии, а она до сих пор живет и процветает. Этих бы бедолаг в Афган хоть на денек, перевоспитались бы мгновенно. Второй сузил глаза и ехидно произнес:

- Да он, кажись, пуп или дух. Службы не видел.

Он пнул меня по левой больной ноге. Бог видел, что я этого не хотел. Перед глазами промелькнули все афганские события. Я не стал применять никаких особых приемов, загнал их в угол и сорвал на них всю накопившую злость. Беспощадно стал бить, как когда-то душманы пытались забить меня. Они умоляли меня, просили прощения, но я не мог остановиться. Третий солдат прижался к стенке, как испуганный заяц, у него тряслись руки, он не мог произнести ни слова.

- Почувствуйте афганскую боль солдата – выругался я.

- Отставить, Медведев – услышал я громкую команду за спиной. – Отставить!

Голос мне был знаком. Я повернулся, передо мной стоял офицер – подполковник. Это был комбат. Я не сдержал эмоций и радостно закричал.

- Батя! – Обнял его, как родного.

Дембель

Что такое «дембель»? Это всего лишь после срока службы военного отправляют в запас на «гражданку». Но мы – солдаты, называем это время дембель.

Меня освободили и комбат увез меня в пограничный отряд. По дороге я от него узнал, что после Афгана он на должности начальника Особого отдела разведки КГБ пограничного округа. Когда ему доложили, что я живой и приговорен к дисбату, сразу же приехал. Он улыбнулся мне и сказал:

- Своих не бросаем.

Еще я узнал от него радостную весть, что мои друзья живы, он вместе с ними уезжал из Афгана. В тот день, когда я попал в плен, к нашему спецназу пришла подмога. Меня долго искали под завалами, так и не нашли. Когда узнали в штабе, там поторопились, зарегистрировали среди погибших. Но самое главное, что сделали правильно - не дали похоронку родным. В отряде мы зашли в его кабинет. Он куда-то позвонил, лейтенант принес мне парадную пограничную форму и шинель с ботинками. На улице зима. В Средней Азии холод не чувствуется. Я сразу же переоделся, шапку отложил в сторону. По традиции надел на голову зеленую фуражку. Из сейфа он достал мой военный билет и правительственные грамоты.

- Извини, что так все получилось. В военный билет я записал награды, но они придут только через месяц, ты их обязательно получишь.

Он встал в стойку «смирно», я тоже встал перед ним, он торжественно зачитал «За мужество и Воинскую доблесть, проявленные при выполнении интернационального долга в республике Афганистан награждаю тебя грамотой от Президиума Верховного Совета СССР. Подпись М. Горбачева».

Я громко отрапортовал:

- Служу Советскому Союзу.

Комбат пожал мне руку и дал конверт.

- Там твои заслуженные по сроку деньги. Ну, теперь ты свободен, уволен в запас.

- Дембель – радостно воскликнул я.

Он довольно, с улыбкой помотал головой и задал вопрос:

- Чем заниматься будешь после Афгана?

Я пожал плечами:

- Пока не знаю.

- Хочу дать тебе совет. Может, у нас в госпитале отдохнешь, полечишься? Ты контужен, врачи установят инвалидность, и будешь получать военную пенсию. Пока лежишь, когда выпишут, там и медали придут. Поедешь домой, как положено ветерану – заслуженным героем.

Наступила пауза, я задумался, перед глазами всплыли воспоминания.

- Нет, Батя, какая еще инвалидность, у меня руки, ноги целы, а голову я как-нибудь вылечу. Да я со стыда сгорю перед афганскими пацанами. А самую лучшую награду я уже получил – я живой и поеду домой, страсть как по всем соскучился.

- Понимаю тебя – серьезно ответил он. – Ну, напоследок, скажу главное. Ты у нас с первого года в разведку прошел. На гражданке, сам знаешь, лишнего не говори. В любой момент у тебя может попросить помощи КГБ, так что смотри, действуй по обстановке. Ну и по поводу плена. Ни один чиновник не докажет, что ты там был или стал дезертиром. В документах утверждено, что ты выполнял секретное боевое задание. Ну, дембель, будь здоров и счастлив.

- Спасибо, Батя, за все.

Мы крепко обнялись и на этом расстались. Десять часов вечера, я стою на вокзале, чувства переполняют меня, я не верю в то, что происходит. Я еще утром был в Афганистане. Днем меня осудили к дисбату, я страдал на гауптвахте, а вечером уже свободен «на все четыре стороны». Отслужил два года и три месяца, пришел всему конец, я - на «гражданке». Такое настроение, что даже хочется свои чувства выразить стихами. Кто не был в армии, тому «дембель» не понять и не объяснить. Понять может только отслуживший солдат. Всем сердцем и душою оценить.

Содержание:

Часть II	
Провал	4
Друзья или санчасть	12
Многомасштабная боевая операция	20
Спецназ	28
Плен	34
Допрос	44
Дембель	47